

В.М. Рыбаков*

Режимный объект Чанъань

АННОТАЦИЯ: Столица Танской империи город Чанъань был одним из крупнейших городов тогдашнего мира. В статье «Режимный объект Чанъань» на материалах китайских источников танского времени описываются и анализируются сложная структура столицы с её административными и дворцовыми комплексами, основные дворцовые ритуалы, система охраны императора и поддержания внутреннего распорядка, а также уголовные законы, устанавливавшие наказания за правонарушения в этой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционный Китай, государство и право, государственные ритуалы, чиновничество, административное право, уголовное право.

Место действия

Город

Главная столица Танской империи¹, город (*цзинчэн* 京城) Чанъань, был, возможно, одним из первых (если не первым) городом-миллионником и, во всяком случае, одним из наиболее крупных, красивых, влиятельных и знаменитых городов тогдашнего мира.

Давая относительно вкратце его общую характеристику, позволю себе для начала привести несколько пространных цитат. Это и надёжнее, и честнее, чем пересказывать чужие тексты своими словами.

Вот как описывали танскую столицу М.В. Крюков, В.В. Малявин и М.В. Софронов в посвящённом Средневековью томе своей серии книг «Древние китайцы — Китайский этнос»:

* Рыбаков Вячеслав Михайлович, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: Ouyangtsev@mail.ru

¹ Время правления династии Тан: 618–907 гг.

Завладев престолом, суйский Вэнь-ди приступил к постройке новой столицы, призванной олицетворять мощь и величие его державной власти. Вновь отстроенному городу, получившему название «Дасинчэн» — «Город Великого Процветания», а в танское время переименованному в Чанъянь — «Вечное спокойствие», суждено было стать в истории Китая классическим образцом средневекового градостроительства.

<...> После многократных гаданий подходящий участок отыскивали юго-восточнее ханьского Чанъяня, в низине, окружённой горами. <...> На новом месте не было недостатка в питьевой воде.

<...> Новый Чанъянь раскинулся на колоссальной территории — около 80 кв. км — и по традиции имел форму, близкую к квадрату, сориентированному по сторонам света. Границей его служили «внешние стены», построенные, как и прежде, из утрамбованной земли, но впервые в Китае укреплённые кирпичом и тёсаным камнем. Протяжённость их составляла 9721 м с востока на запад и 8652 м с юга на север, высота достигала 5,3 м, толщина у основания колебалась от 3–5 до 12 и даже 20 м... Также впервые появилось трёхчастное деление столицы на Дворцовый город — Гунчэн, Императорский город — Хуанчэн и Внешний город — Вайчэн в пределах городской стены.

<...> Костяк морфологической структуры города образовывала сетка пересекавшихся под прямым углом улиц: 11 в меридиональном направлении и 14 — в широтном. Ровные, широкие, безукоризненно прямые улицы танского Чанъяня ничуть не напоминали «средневековые улочки». Внутреннее других выглядели главные улицы города, предназначенные для движения экипажей. Их покрывали белым песком, с VIII в. обсаживали фруктовыми деревьями, а рядом тянулись водосточные каналы шириной до трёх метров. Ширина центрального проспекта, который вёл от ворот Миндэмэнь <...> к Императорскому городу, достигала 150 м и более; периферийные улицы были втрое уже <...>.

Композиция города была подчинена не имевшей прецедента в древности строгой симметрии по центральной оси Юг–Север. Эта симметрия была несколько нарушена после того, как Тай-цзун отстроил у северо-западной оконечности столицы дворец Дамингун — комплекс жилых и ритуальных построек, разбросанных в парке, среди серпантина прудов, зарослей ив и цветников. С постройкой Дамингуна, ставшего

главной резиденцией танских императоров, и другого императорского парка-дворца, Синцингуна, центр городской композиции сместился к востоку. Общую картину довершала система водных путей, обеспечивавшая подвоз продовольствия, — сеть мелких протоков, водоёмов и оз. Цзянцзюэчи на юго-восточной окраине города. <...>

Основной ячейкой города <...> являлись кварталы, образованные прямоугольной сеткой улиц. Каждый из них был опоясан пешеходной дорожкой и обнесён глинобитной стеной высотой до 3 м. <...> Внутри кварталов имелись либо одна улица, проходившая в меридиональном направлении, либо две, пересекавшиеся крест-накрест. За порядком в кварталах следили назначавшиеся властями надзиратели. Ворота квартальных стен на ночь запирались.

<...> Население Чанъяня было столь же колоссально, как и размеры города. Приводимая танскими современниками стандартная цифра 1 млн, по-видимому, соответствовала действительности. <...>

Знать проживала в западной части города, простой народ обитал к востоку от центральной магистрали. По свидетельству арабского путешественника IX в. Ибн-Ваххаба, в танской столице «простые люди никак не соприкасались с жителями западных кварталов», их не пускали в расположенные в западной части города парки с каналами.

<...> В административном отношении Чанъянь не составлял единого целого. Центральный проспект делил его на два уезда, помимо городской территории захватывавших обширные пространства за чертой стен [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 89–91].

А вот описание того же города из капитальной монографии Э.П. Стужиной «Китайский город XI–XIII вв.»:

В 582 г. к юго-востоку от древнего Чанъяня на пустынном месте основатель суйской династии Ян Цзянь построил себе столицу — Дасин. Позже она бала переименована в Чанъянь и стала крупнейшим и прекраснейшим городом средневековья. <...> Территория города составляла 80 кв. км, а с запретным городом и парком — 250 кв. км. <...> Город занимал почти квадратный участок, ориентированный по сторонам света: он тянулся на 9,681 км с востока на запад и на 8,192 км с севера на юг. <...> В VIII в. Чанъянь окружала стена, облицованная камнем. 9 широких меридиональных и 12 более

узких широтных магистралей с дренажными канавами, обсаженных фруктовыми деревьями, делили его на 108 кварталов. <...> В северной части находился Императорский город (*Хуанчэн*). Основные жилые районы располагались к югу от магистрали, проходившей с востока на запад через Императорский город. Дома знати и богачей находились в восточной части города. Простолюдины обитали в западной. Самые южные районы города были весьма малозаселёнными — там простирались поля, огороды, сады и кладбища...

Городские улицы в зависимости от их назначения делились на улицы скоростного и обычного движения и в связи с этим имели различную ширину (145, 84 и 68 м). <...> Внутри кварталов были более узкие улицы для пешеходного движения. <...>

<...> С 634 г. началось строительство дворца Дамингун за городскими стенами. Он стал основной резиденцией танских императоров. <...>

<...> В VIII в. в связи со строительством южного дворца Синцингун <...> у восточной стены закончилось создание всего дворцового комплекса, в который вошли Дуннэй (Дамингун), Синнэй (Гунчэн) и Наньнэй (Синцингун).

В отличие от ханьского Чаньяня, располагавшегося на возвышенной, бедной водой территории, новый город раскинулся на низкой, богатой водой местности. Две системы водных путей включали каналы, пруды, озёра. <...> Обилие воды, удачное расположение каналов и водоёмов способствовали созданию парков и освоению участков земли внутри городской стены.

<...> По данным арабского путешественника Ибн Вахба, приводимым Э. Шафером, в Чаньяне к началу IX в. было около миллиона жителей. <...> Из них 5–10 тыс. составляла императорская гвардия и 40–50 тыс. — монахи и храмовые рабы.

<...> Ворота улиц и кварталов на ночь запирались и открывались утром по крику военного патруля, а после 636 г. — по звуку барабана. Для надзора за горожанами была введена система конного патрулирования. Э. Балаш приводит весьма выразительный отрывок из «Новой истории Тан», характеризующий обстановку в городах танского Китая: «На закате барабаны бьют 800 раз и ворота закрываются. Со второй ночной стражи конные солдаты, назначаемые офицерами для надзора за улицами, ездят кругами, криками оповещая о своём присутствии, в то время как военный патруль совершает свой

объезд в молчании. В пятую стражу бьют дворцовые барабаны, вслед за ними барабаны на всех улицах стучат так громко, чтобы создать шум, который может быть услышан всеми; тогда все ворота кварталов и рынков открываются» [Стужина, 1979, с. 19–27]².

Некоторому разнобою в численных характеристиках не стоит ни удивляться, ни огорчаться. Во-первых, как мы чуть позже увидим, даже в самих китайских источниках указываются порой разные величины. Во-вторых, в науке ныне существуют и довольно мирно соседствуют несколько различные реконструкции тогдашних китайских мер, в частности, мер длины; легко понять, что если представления об одном *чи* различаются хотя бы на сантиметр, а этих самых *чи* — тысячи, могут возникать погрешности в десятки и даже сотни метров. Но, во всяком случае, приводимые параметры дают достаточно адекватное представление о масштабе Чанъани³.

Город, как уже можно понять и из вышеприведённых цитат, имел трёхчленную структуру: столица как таковая (*цзинчэн* 京城) с её стенами, воротами, улицами, кварталами и бесчисленными жителями, Императорский город (*хуанчэн* 皇城), тоже, разумеется, обнесённый стеной, за которой располагались все основные учреждения правительства, и Дворцовый город (*зунчэн* 宮城) — сложный комплекс административных, ритуальных и жилых императорских дворцов. Закрытость, запретность и охраняемость этих объектов изменялись по нарастающей: самый строгий режим поддерживался, естественно, в Дворцовом городе (в свою очередь — уже со своими градациями).

² При известной доле внимательности можно заметить, что, согласно первой цитате, знать обитала в западной части Чанъани, простолюдины же — в восточной, а согласно цитате второй — ровно наоборот, в восточной — знать и богачи, в западной — простонародье. Судя по тому, что оба новых дворцовых комплекса — и Дамингун, и Синцингун — строились в восточной половине столицы, права всё же Стужина; вряд ли императоры Тан стали бы располагать свои новые резиденции в кварталах бедноты.

³ Выбор для названия «Чанъань» мужского или женского рода (в китайском языке такого деления нет) зависит, вероятно, от слабо формализуемых языковых навыков, привычек и практически недоказуемых предпочтений. Если пыль — «она», моль — «она», степь — «она», Астрахань — «она», то и Чанъань воспринимается по-русски скорее как «она». Хотя нельзя не признать, что Мозырь или Анадьрь ощущаются скорее как «он» — может быть, из-за жёсткого мужественного «р» на конце? Впрочем, яшень — тоже «он»... Возможно, дело ещё в том, что именно мы держим в голове, ограничиваясь употреблением одного лишь названия: [город] Чанъань, конечно, «он», однако [столица] Чанъань — она.

В «Географических описаниях» (*дичжжи* 地理志) «Новой истории Тан» столице посвящено всего лишь несколько фраз, да и то основное внимание уделено не собственно столице, а её святая святых — правительственным и государевым резиденциям.

Стена Императорского города имела в длину 1915 *бу*⁴, в ширину 1200 *бу*.

Дворцовый город располагался на севере, его стена имела в длину 1440 *бу*, в ширину 960 *бу*, по окружности 4860 *бу*. Высота стены была 3 *чжана* с половиной⁵.

После годов Лун-шо (661–663) император постоянно проживал в Дворцовом комплексе Дамингун, и с той поры стали называть [официальный Дворцовый город] Западной сокровенностью (*синэй* 西内). В начальный год Шэнь-лун (705–707) назвали его Тайцзигун.

Дамингун располагался на юго-востоке Запретного парка, на западе соприкасался с северо-восточной частью Дворцового города. В длину его стена была 1800 *бу*, в ширину 1080 *бу*⁶. Он назывался Восточной сокровенностью (*дуннэй* 東内). Изначально это был Юньаньгун, основанный в 8-й год Чжэньгуань (627–649), а в 9-ом году названный Дамингун. Он был построен, чтобы отец царствующего императора (*тайшианхуан* 太上皇) проводил там время летней жары. <...> Гао-цзун, из-за того, что у него под воздействием природных условий стали неметь конечности [и распухать суставы]⁷, невзлюбил Запад-

⁴ Современный *бу* (шаг) равен приблизительно 1,6 м [БКРС, т. 1. с. 173]. В танское время 1 *бу* равнялся 5 *чи* 尺; длина 1 *чи* колебалась в узких пределах, обычно несколько превышая 31 см. При этих условиях длина *бу* оказывается несколько меньшей (ок. 155 см), что, соответственно, немного уменьшает и все производные меры длины и площади. Реконструкция Ю.Л. Кроля и Б.В. Романовского даёт для танского *чи* эквивалент в 31,1 см, для танского *бу* — в 155,5 см, для танского *чжана* — в 3,110 м, а для танской *ли* — в 559,8 м [Кроль, Романовский, 1982, с. 227]. Если принять эту реконструкцию, получим соответственно: 2977 м, 1866 м; 2239 м, 1492 м; 7557 м.

⁵ 10,9 м.

⁶ 2799 м на 1679 м.

⁷ В тексте сказано *фэнби* 風痺. Словарь Ошанина даёт для этого бинорма перевод «онемение конечностей, ревматический артрит» [БКРС, 1983–1984, т. 4, с. 541]. Сам по себе иероглиф *би* 痺 значит «онеметь (от усталости); онемение, паралич, ревматизм» [Там же, т. 2, с. 955]. «Большой словарь китайского языка» объясняет термин *фэнби* так: «Недуг, при котором мышцы и сосуды становятся дряблыми и немеют руки и ноги» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 10, с. 120].

ную сокровенность за низменное расположение и сырость. В 2-й год Лун-шо был начат большой ремонт Дамингуна, его назвали Пэнлайгун, а в начальный год Сянь-хэн (670–673) — Ханьюаньгун. В начальный год Чанъань (701–705) снова называли его Дамингун.

Дворец Синцингун располагался на юго-востоке от Императорского города, достигал востока столичного города, впервые был устроен в годы Кай-юань (713–741), в 14-ом году расширен. Он назывался Южной сокровенностью (*наньнэй* 南内).

Длина столичной стены была 6665 бу, ширина 5575 бу, по окружности 24 120 бу⁸. Высота — 1 чжан 8 чи [Синь Тан шу, 1975, с. 961]⁹.

Более подробно, зато и более специфично, описывает столицу трактат «Тан лю дянь» («Шесть уложений Тан»), принадлежащий, согласно канонической версии, кисти танского императора Сюаньцзуна (712–756); ныне, правда, августейшее авторство подвергается сомнению. Основными ориентирами и пространственными маркерами были избраны в данных описаниях ворота. Это легко понять: в ту пору ворота служили, фактически, зонами переходов между различными областями пространства, причём зачастую — областями менее сакральными и более сакральными. Просторы страны вне столичной стены существовали совсем в ином режиме и ритме, нежели город и горожане; учреждения Императорского города и, стало быть, вся территория, на которой они располагались, имели куда большее отношение к великому делу исполнения монаршей воли и управления страной, чем кварталы обывателей или рынки. И тем более это относилось к Дворцовому городу, где прислушивался к воле Небес, исполнял государственные ритуалы и руководил своей администрацией Сын Неба. Стены разгораживали, фрагментировали мир на эти качественно различные области; ворота же обеспечивали коммуникацию между ними и, тем самым, единство высшего руководства, административного аппарата и страны в целом.

Согласно «Тан лю дянь», у столичной стены с южной стороны было трое ворот:

- ◆ средние — Миндэмэнь (明德門),
- ◆ левые — Цисямэнь (啟夏門),
- ◆ правые — Аньхуамэнь (安化門).

⁸ Соответственно: 10364 м, 8669 м, 37506 м.

⁹ 5,59 м.

С восточной стороны было также трое ворот:

- ◆ средние — Чуньминмэнь (春明門),
- ◆ северные — Тунхуамэнь (通化門),
- ◆ южные — Тинсинмэнь (廷興門).

И с западной стороны — тоже трое ворот:

- ◆ средние — Цзиньгуанмэнь (金光門),
- ◆ северные — Кайюаньмэнь (開遠門),
- ◆ южные — Яньпинмэнь (延平門).

Названия эти были символичны, в сущности — ритуальны. Впрочем, о названиях императорских дворцов можно сказать то же самое, быть может даже с большим основанием. Чем-то и те и другие были аналогичны девизам правления. Все они в той или иной степени заклинали реальность, пытались воздействовать на неё, превращая мир сущий в мир надлежащий, действительность в идеал, вербально актуализируя желательные состояния или действия и заявляя претензии на состоявшееся благоустройство Вселенной. Скажем, название Миндэмэнь можно понять как Ворота Совершенной добродетели¹⁰, Чуньминмэнь — Ворота Весеннего света, Тунхуамэнь — Ворота Преодоления всех трудностей, Яньпинмэнь — Ворота распространения справедливости (или, точнее, поравнённости).

Длина столичной стены с востока на запад была, согласно «Тан лю дянь» — 18 *ли* 115 *бу*¹¹, с юга на север — 15 *ли* 175 *бу*. Высота её составляла 1 *чжан* 8 *чи*¹².

Далее в «Тан лю дянь» говорится:

Южнее Императорского города с востока на запад 10 кварталов (*фан фан*), с юга на север 9 кварталов. Как восточнее, так и западнее Императорского города — по 12 кварталов. 2 рынка занимают место 4 кварталов. Всего в столице — 110 кварталов. В 12-й год Кай-юань с восточной стороны было использовано пространство двух кварталов под дворец Синцингун [Тан лю дянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

Это значит, что в двух частях столицы справа от восточной и слева от западной стен малого прямоугольника (Императорский город),

¹⁰ «明德 *ming-de* *конф.* 1) раскрывать (показывать) врождённые добродетели (добрые начала); 2) высшая (идеальная) добродетель» [БКРС, т. 3, с. 166].

¹¹ Получается, что длина с востока на запад была 10254 *м*, а с юга на север — 8669 *м*.

¹² 5,59 *м*. Так что высоту и «Тан лю дянь», и «Синь Тан шу» дают, в отличие от длины, одну и ту же.

вписанного внутрь большого прямоугольника (Чанъань), располагалось по двенадцать кварталов. И на западе, и на востоке от средоточия власти — по четыре горизонтальных (т.е. в широтном измерении) ряда жилых кварталов, причём в каждом из них — по три квартала. И между южной стеной Императорского города и южной стеной столицы, то есть южнее Императорского города (и тех внешних по отношению к нему двадцати четырёх столичных кварталов, что были от него на восток и на запад) и севернее южной стены столицы в широтном измерении располагалось девять рядов кварталов, причём в каждом из рядов — по десять кварталов. Вот такая геометрия.

Императорский город

Гораздо подробнее в «Тан лю дянь» описывается комплекс правительственно-административных зданий, называемый Императорским городом. Цитировать весь текст нет необходимости; он крайне монотонен и детализирован, причём весьма отличным от наших представлений о детализации образом, и в силу этого, не побоюсь этого слова — малоинформативен. Но частично я его всё же приведу, а частично перескажу, чтобы, во-первых, вышеприведённая характеристика не была голословной, а во-вторых — чтобы хоть какое-то представление о данном фрагменте Чанъани у читателя всё же сложилось.

Императорский город — посреди столичного города (*цзай цзинчэн чжи чжун* 在京城之中). С востока на запад — 5 ли 115 бу, с юга на север — 3 ли 140 бу¹³. Ныне называют его детинец (*цзычэн* 子城) [Тан лю дянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

Мы уже знаем, что на самом деле определение «посреди столичного города» не вполне корректно. Прямоугольник Императорского города действительно находился на равном расстоянии от западной и восточной стен Чанъани, но был прижат к её северной стене, будучи максимально отодвинут от южной. Определение «посреди» относится лишь к горизонтали, к широтному направлению, но не к меридиональному.

С южной стороны в стене Императорского города было, как утверждается в «Тан лю дянь», трое ворот:

- ◆ средние назывались Чжуцюэмэнь (朱雀門),
- ◆ левые (т.е. восточные) — Аньшанмэнь (安上門),
- ◆ правые (т.е. западные) — Ханьгуанмэнь (含光門)¹⁴.

¹³ 2977 м на 1896 м.

¹⁴ По тогдашним китайским представлениям левое и правое определялось в позиции лицом к югу, так что восток оказывался не справа, как на современных картах, а слева, запад же — справа, а не слева.

От ворот Чжуцюэмэнь прямо на юг уходила осевая магистраль столицы, упиравшаяся в центральные ворота южной городской стены — Миндэмэнь. От них же прямо на север уходила осевая магистраль Императорского города, упиравшаяся, в свою очередь, в центральные ворота южной стены Дворцового города, называвшиеся Чэнтяньмэнь. По горизонтали, в широтном направлении, с наружной стороны южной стены Императорского города проходила основная поперечная магистраль столицы. Минуя по касательной все южные ворота Императорского города, она на востоке упиралась в городские ворота Чуньминмэнь, а на западе — в ворота Цзиньгуанмэнь.

В восточной стене Императорского города было двое ворот:

- ◆ северные — Яньсимэнь (延喜門),
- ◆ южные — Цзинфэнмэнь (景風門).

В западной стене Императорского города также было двое ворот:

- ◆ северные — Аньфумэнь (安福門),
- ◆ южные — Шуньимэнь (順義門).

На севере Императорского города, отделяя его от Дворцового города и минуя по касательной ворота южной стены последнего, проходила вторая основная широтная магистраль столицы; на востоке она пересекала стену Императорского города через ворота Яньсимэнь и далее тянулась до столичной восточной стены, упираясь в ворота Тунхуамэнь. На западе она же проходила через ворота Аньфумэнь и тянулась до западной столичной стены, упираясь в ворота Кайюаньмэнь.

Названия ворот Императорского города тоже звучали, как констатации-призывы, в равной степени и призывавшие в мир обозначаемые ими состояния, и констатирующие, что призыв услышан и состояние достигнуто и закреплено. Семантически достаточно сложные, лаконичные названия этих переходов между менее сакральным и более сакральным мирами можно интерпретировать как: Ворота Красной птицы (красная птица считалась духом-покровителем юга); Ворота Умиротворения вышних; Ворота Взлеянных добродетелей; Ворота Распространения радости; Ворота Благодатного ветра; Ворота Покоя и благополучия; Ворота Следования долгу (справедливости).

Далее в источнике пространно и довольно однообразно описывается внутренняя структура Императорского города. Я позволю себе частично, с сокращениями, процитировать этот текст в качестве иллюстрации той несколько мертвенной скрупулёзности, что для него характерна.

Внутри Императорского города слева, за воротами Аньшаньмэнь к востоку — Императорский храм предков (*цзун мяо*

宗廟), а справа, за воротами Ханьгуанмэнь к западу — Алтарь Земли и Зерна (*шэ цзи* 社稷).

Все административные государственные учреждения выстроены в ряды на пространстве между [указанными воротами]. Это — Шесть надзоров (*шэн* 省), девять приказов (*сы* 寺), одна терраса (*тай* 臺), четыре управления (*цзянь* 監) и восемнадцать гвардий (*вэй* 衛).

Шесть надзоров — это Правительствующий [надзор] (*шаншю* 尚書), [Надзор] Срединных документов (*чжуншю* 中書), Привратный [надзор] (*мэнься* 門下), [Надзор] Потаённых документов (*мишю* 秘書), [Надзор] Дворцового обеспечения (*дяньчжун* 殿中), [Надзор] Внутреннего служения (*нэйши* 內侍).

<...> Ныне так (*цзинь ань* 今按): Надзор Срединных документов и Привратный надзор имеют 3 помещения (*со* 所), все внутри Дворцового города. Управление Княжесственных сыновей (*гоцзыцзянь* 國子監) в Императорском городе на юге. Левая и правая гвардии Птицы счастья (*цзиньвэй* 金吾衛) в Императорском городе на востоке и на западе. Левая и правая армии Смертоносные, как оперённые стрелы, и бесчисленные, как деревья в лесу (*юйлиньюн* 羽林軍) — к северу от ворот Сюаньмэнь.

Чиновничий [штат] Восточного дворца (*дунгун гуань* 東宮官)¹⁵ — это одно управление (*фу* 府), три двора (*фан* 坊), три приказа (*сы* 寺), десять воеводоных дружин (*шуйфу* 率府).

Одно управление — это Хозяйственное управление (*чжаньшифу* 詹事府).

Три двора — это левый и правый Весенние дворы (*чуньфан* 春坊), и Внутренний двор (*нэйфан* 內坊)¹⁶.

Три приказа — это Домоправительствующий [приказ] (*цзялин* 家令), [Приказ] Правильности страж (*люйгэн* 率更), Конюшенный [приказ] (*пу* 仆) <...> [Ган лю дянь, цз. 7, разд. Гунбу ланчжун].

Говоря короче, Императорский город был средоточием исполнительной власти, царством регулярной служебной рутины, концентратом чиновничества в обыденном, трудовом смысле этого слова.

¹⁵ То есть администрация и аппарат наследника престола.

¹⁶ Служба обеспечения Внутреннего двора наследника престола (*нэйфанцзюй* 內坊局) поначалу относилась непосредственно к Восточному дворцу, т.е. к администрации собственно наследника, и была передана в ведение одного из *шэнов* центрального подчинения только в 27-м году под девизом правления Кай-юань (713–741).

Мне не встретилось свидетельств того, что территория Императорского города была, в свою очередь, как-то фрагментирована и здания различных учреждений отделялись одни от других стенами, воротами и постами внутренней охраны. Пространство Императорского города было, видимо, однородным. От южных ворот до северных, от Правительствующего надзора до Приказа Великого постоянного можно было, судя по всему, пройти, ни разу не предъявив ни пропуска, ни удостоверения личности.

Дворцовый город

О территории Дворцового города такого сказать никак нельзя. Она обладала сложной структурой и была весьма неоднородной, в миниатюре копируя или, во всяком случае, будучи уподоблена иерархической «матрешечной» структуре столичного-императорского-дворцового городов. Степень сакрализации и, соответственно, закрытости, запретности различных зон Дворцового города варьировалась (в то же время всё равно оставаясь выше, чем на внешних по отношению к Дворцовому городу территориях). Наименее священные были области, где император занимался государственными делами, давал аудиенции, принимал иностранных послов; наибольшим пиететом пользовались жилые строения, предназначенные для отдыха, досуга, спокойной императорской работы наедине с собой или с ближайшими конфиденентами.

Практически все постройки внутри Дворцового города с прилегающими к ним территориями разделялись поэтому ещё и внутренними стенами, в которых, естественно, были свои строго охраняемые «порталы». Названия этих ворот опять-таки служили маркерами зон и их границ. Сами же дворцовые постройки, видимо, столь же охраняемых входов уже не имели.

В связи с этим встаёт вопрос наиболее адекватного перевода хотя бы основных терминов, обозначавших функционально главные и статистически доминировавшие постройки Дворцового города: *гун* 宮, *дянь* 殿 и, например, *гэ* 閣 (閣).

Словари дают для этих слов во многом совпадающие, перекрывающиеся переводы, особенно для *гун* и *дянь*. «Гун — дворец, хоромы, покои; ... императорский (царский) двор; дворцовый, ... внутренние (задние) покои дворца; ... квадратный участок (*угодые*) за стеной; квадратный, расположенный квадратом» [БКРС, т. 2, с. 541–542]. «Дянь — зал (*дворца, храма, присутствия*); дворец; палаты; храм; ... задняя часть...» [Там же, т. 3, с. 1056]. «Гэ (閣) — дворец; терем, палата, зал; ... беседка, павильон» [Там же, т. 3, с. 129]. «Гэ (閣) — боковая дверь, калитка, внутренние малые ворота (*во двореце*)» [Там же, т. 3, с. 128].

Судя по употреблению этих терминов в описании Дворцового города, *зун* обозначает скорее некий комплекс зданий и территорий вокруг них. Не зря именно *зун* применяется в китайском языке для обозначения иноземных дворцовых комплексов, но не их отдельных построек: 羅浮宮 Лофугун — Лувр, 克里姆林宮 Кэлимулиньгун — Кремль, 凡爾賽宮 Фаньэрсайгун — Версаль, и пр.

В то же время термин *дянь*, являющийся, по всей видимости, обозначением отдельных дворцовых зданий, затруднительно переводить, как это часто и порой довольно оправданно делают, словом «зал». В «Искусстве китайской архитектуры» при описании реконструкции танского дворца Линьдэдянь упоминается, что его нижний этаж составляли несколько собственно залов разной величины, вдобавок здание было многоэтажным.

Линьдэдянь объединяет комплекс зданий, соединённых между собой переходными мостиками и галереями и обнесённых общей стеной. Кроме того, этим же названием обозначался непосредственно «передний зал» главного помещения [Искусство китайской архитектуры, 2011, с. 57].

Верхний зал располагался над средним и нижним залами... В летописях Линьдэдянь также описывается как многоэтажное здание. Верхний зал был одним из трёх основных помещений [Там же, с. 63].

То есть *дянь* — это как раз и есть дворец в собственном смысле. Но мало этого — термином *дянь* охватывалась и территория (двор, террасы и пр.) внутри стен, отграничивавших данный *дянь* от остального, внешнего по отношению к нему пространства — других построек с их территориями и стенами вокруг данных территорий, внутренних улиц Дворцового комплекса и так далее. *Дянь* — это чётко выделенный и завершённый пространственный фрагмент, центром которого являлся дворец как таковой.

Ещё много лет назад, приступив к переводу законов об охране августейших особ и их жилищ, я положил для себя передавать устойчивый блок *зун дянь* 宮殿 как «Дворцовый комплекс и [территории] дворцов», причём понятно, что в понятие «территории» входят и сами строения, на этих территориях находящиеся.

Что же касается термина *гэ*, то в той же книге об архитектуре он переводится и как терем, и как башня, и как павильон [Там же, с. 58, 207, 212]¹⁷. В «Большом словаре китайского языка» данный термин

¹⁷ В частности, последней версии придерживается в своём переводе «Тан луй шу и» и У. Джонсон: у него термин *шангэ* передан как «императорские павильоны» (imperial pavilions) [The T'ang Code, 1997, p. 18].

толкуется, в частности, как *бяньдянь* 便殿 [Чжунвэнь да цыдянь, 1976, т. 9, с. 980]; согласно словарю Ошанина, *бяньдянь* значит «частные покои дворца (*предназначенные для отдыха и развлечений*)» [БКРС, т. 4, с. 76]. Современный китайский электронный ресурс «Байду», поясняя слово *зэ*, основной акцент делает на многоэтажности:

Род многоэтажного строения, предназначенного для любования далями, отдыха, хранения книг или поклонения Будде.

[Байду]

В общем-то, для передачи *зэ* на русский язык и впрямь подошло бы слово «терем», если бы не чрезмерная, на мой взгляд, его «древнерусскость». Впрочем, куда важнее то, что в китайском названии знаменитого романа «Сон в красном тереме» в качестве «терема» фигурирует отнюдь не *зэ*, но *лоу* 樓¹⁸. В своё время я стал передавать термин *зэ* как палата, и полагаю, что, если учесть всё вышесказанное, данный перевод, сознавая определённую его условность (как и условность перевода иных упомянутых терминов), можно оставить.

Итак, в «Тан лю дянь» описание Дворцового города начинается так:

Дворцовый город — к северу от Императорского города
[Тан лю дянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

Северная же стена Дворцового города фактически совпадала с северной стеной самой столицы, города Чанъань. Впрочем, за этой стеной располагались не пустыри и не территории общего пользования, но запретные парки.

В южной стене Дворцового города было, согласно «Тан лю дянь», трое ворот:

◆ средние — Чэнтяньмэнь (承天門), или Ворота Восприятия воли Неба; это выражение фактически синонимично выражению «принятие Небесного мандата», то есть повеления Неба царствовать именно данному императору и именно данному роду;

◆ восточные — Чанлэмэнь (長樂門), или Ворота Вечной радости;

◆ западные — Юньаньмэнь (永安門), или Ворота Вечного спокойствия.

Таким образом, можно сказать, что названия ворот Дворцового города особенно ярко и требовательно заклинали реальность. Центральная вертикальная ось Дворцового города начиналась от Ворот

¹⁸ «樓 lou ... башня, вышка; двухъярусный дом; многоэтажное здание; ... терем; вышка, башенка...» [БКРС, т. 4, с. 1024].

Восприятия воли Неба, то есть принятия высшего повеления править Поднебесной; следствиями же принятия этого повеления должны были стать вечная радость и вечное спокойствие страны.

<...> Во время больших построений (*да чэньшэ* 大陳設)¹⁹ [по случаям] первого дня Нового года и дня зимнего солнцестояния, в дни торжественных пиров (*яньхуй* 燕會), отмен приговоров за проступки и проявления милосердия к преступникам, устранения старого и утверждения нового, поднесения дани от иных государств, принятия послов от варваров четырёх сторон света пользуются воротами Чэнтяньмэнь для [прохода туда, где вершатся] дела управления (*тинчжэнь* 聽政). По старым [понятиям] это Внешний двор (*вайчао* 外朝) [Тан лю дэнь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

Сразу за воротами Чэнтяньмэнь дворцовых построек ещё не было — ни административных, ни тем более жилых. Запретность, сакральность, монаршая интимность, а потому и охраняемость продолжали нарастать от стены к стене, от ворот к воротам.

К северу от [ворот Чэнтяньмэнь] — ворота, которые называются Тайцзимэнь (太極門)²⁰. За ними (*ци нэй* 其內) — дворец Тайцзидянь (太極殿). В дни новолуний и полнолуний [император], восседая, принимает придворных (*цзо эр ши чао* 坐而視朝). По старым [понятиям] это — Средний двор (*чжунчао* 中朝).

<...> На восток и на запад [от дворца Тайцзидянь] двое боковых ворот (*хэмэнь* 合門), восточная и западная галереи (*лан* 廊) и [далее] двое ворот: левые Яньминмэнь (延明門) и правые Яньминмэнь.

<...> [Ворота] ещё [далее] на север называются Ляньямэнь (兩儀門), за ними (*ци нэй* 其內) — дворец Ляньйдянь (兩

¹⁹ Ротур переводит термин *да чэньшэ* как «великие церемонии» (*grandes cérémonies*) [Rotours, 1947–1948, p. 223]. Китайский современный словарь трактует его как «название построения войск рядами (*цзюнь чжэнь чжи мин* 軍陣之名)» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 2, с. 1477].

²⁰ Ворота Начала всех начал (Великого предела). Соответственно и дворец, на пути к которому необходимо было миновать эти ворота, назывался Дворец Начала всех начал, или, как традиционно переводится термин *тайцзи* — Великого предела. Вообще ворота, ведущие на территорию какого-либо дворца, назывались, как правило, так же, как и сам дворец. Недаром выражение *ци нэй*, которое я перевожу для простоты обычным оборотом «за ними», буквально значит «внутри них», то есть на территории, внешней границей которой была стена с одноимёнными воротами.

儀殿). Каждодневно (*чан жи* 常日) [здесь] происходят приёмы придворных и ведутся дела управления (*тинчао эр шиши* 聽朝而視事). По старым [понятиям] это Внутренний двор (*нэйчао* 內朝).

[Ворота] к востоку от ворот Чэнтяньмэнь называются Чанлэмэнь (長樂門), севернее них идут (*жу* 入) ворота Гунлимэнь (恭禮門), ещё севернее ворота Цяньхуамэнь (虔化門), за ними [уже начинается] внутренний дворцовый комплекс (*зуннэй* 宮內). [Ворота] к западу от ворот Чэнтяньмэнь называются Гуаньюньмэнь (廣運門) и Юньаньмэнь (永安門), севернее них идут ворота Аньжэньмэнь (安仁門), ещё севернее идут ворота Сучжанмэнь (肅章門), за ними [уже начинается] внутренний дворцовый комплекс (*зуннэй* 宮內) [Ган лю дянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*]

И так далее, и так далее... Дворцовый город с его внешним поясом (расположенным, впрочем, тоже уже внутри основной его стены) и Дворцовым комплексом, подразделённым, в свою очередь, на несколько зон, являл собой сложнейший и, похоже, довольно запутанный конгломерат построек, и каждая была отграничена от остального пространства стенами, проход сквозь которые осуществлялся через соответствующие ворота, единственные или несколько. По обе стороны от центральной оси, на которой прежде всего располагались основные административные и церемониальные дворцы (для официальных приёмов, для аудиенций и пр.), налево и направо шли свои вереницы ворот и зданий, через которые можно было попасть в жилую, сокровенную часть комплекса, минуя центральную ось и самые главные строения. Однако важнейшие, самые крупные и, надо полагать, наиболее населённые, наиболее часто посещаемые императором жилые дворцы располагались как раз на центральной оси, севернее административных комплексов.

Для нас здесь существенно то, что упомянутые в связи со дворцом Тайцзидянь двое боковых ворот, равно как восточная и западная галереи, судя по всему, и были теми Высокими палатами (*шангэ* 上閣), с которых, как мы увидим позже, начиналась наиболее охраняемая территория. Нарушения режима, если они происходили здесь, подлежали наиболее суровым карам. Несколько позже в «Ган лю дянь» встретится даже выражение *шанхэ мэнь* 上合門, которое, по совести говоря, не имеет смысла — если только не обратить внимание на то, что иероглиф *хэ* 合 является разнописью иероглифа *гэ* 閣, который, в свою очередь, является разнописью другого *гэ* 閣

[БКРС, т. 2, с. 450; т. 3, с. 128–129]²¹; эти-то два иероглифа обычно и употребляются для обозначения боковых палат по сторонам главных административных дворцов. Так что фразу «На восток и на запад двое боковых ворот, восточная и западная галереи», возможно, следует сразу понимать как «Есть ворота в восточную и западную Высокие палаты, восточная и западная галереи...»²²

В сборнике сохранившихся танских административных установлений, составленном Ниидой Нобору, в разделе «Гунвэйлин» («Общеобязательные установления о дворцовой охране») стенам и воротам тоже отдана дань. Данный текст был реконструирован по отрывкам, взятым из «Тан лю дянь» и уголовного кодекса династии Тан «Тан люй шу и» («Уголовные установления Тан с разъяснениями»), и выглядит так:

Ворота Шуньтяньмэнь (順天門) являются воротами Дворцового города (*гунчэнмэнь* 宮城門).

Ворота Миндэмэнь (明德門) и подобные им (*дэн* 等)²³ являются воротами столичного города (*цзинчэнмэнь* 京城門). Ворота Чжуцюэмэнь (朱雀門) и подобные им являются воротами Императорского города (*хуанчэнмэнь* 皇城門). Ворота Чэнтяньмэнь (承天門)²⁴ и подобные им являются воротами Двор-

²¹ Во многих изданиях танского уголовного кодекса «Тан люй шу и» вместо 閣 употребляется 閤.

²² Эта часть китайской фразы выглядит так: «*ю дун шан си шан эр хэмэнь дун си лан* 有東上西上二合門東西廊...» В современном китайском исследовании упомянутый в «Тан люй шу и» термин *шангэ* комментируется так: «...Посреди дворцового комплекса Тайцзигун (太極宮) располагался дворец Тайцзидянь с двумя боковыми крытыми галереями (*у* 廡), в каждой из которых были одни ворота, через которые можно было, повернув на север, войти в так называемый Внутренний двор (*нэйчао* 內朝), ко дворцу Лянгидянь, поэтому называли их боковыми дворцовыми воротами (*хэмэнь* 閤門)» [Лю Цзюнь-вэнь, 1996, т. 1, с. 548]. Характерно, что вся совокупность зданий и территория, на которой они были возведены, названы дворцовым комплексом Тайцзигун, центральным и главным элементом которого был одноимённый дворец — Тайцзидянь. То есть внутри дворцового комплекса как такового (*гун* 宮) каждый из крупных дворцов (*дянь* 殿) являлся, по сути, средоточием соответствующего малого комплекса.

²³ То есть в данном случае — относящиеся к той же стене.

²⁴ «Ворота Чэнтяньмэнь (Восприятия воли Неба) построены при Суй во 2-ом году периода Кай-хуан. Сначала назывались воротами Гуаньяньмэнь (廣陽門) (Беспредельного Ян). <...> В начальный год периода У-дэ изменили название на Шуньтяньмэнь (Повиновения воле Неба). В начальный год периода Шэнь-лун изменили название на Чэнтяньмэнь» [Нида Нобору,

цового города. Ворота Цзядэмэнь (嘉德門) и подобные им являются воротами Дворцового комплекса (*гунмэнь* 宮門)²⁵. Ворота Тайцзимэнь (太極門) и подобные им являются воротами [территорий] дворцов (*дяньмэнь* 殿門). Ведущие внутрь ворота (*туннэй дэн мэнь* 通內等門) приравниваются к воротам Высоких палат (*шангэ* 上閣) [Ниидэ Нобору, 1964, с. 358].

В данном случае уже не приходится сомневаться, что речь идёт не о каких-то боковых воротах, а о воротах палат Шангэ; в приводимом тексте написано именно 閣, а не 合.

Именно по сторонам дворца Тайцидянь располагались некоторые официальные учреждения или их, так сказать, вынесенные в Дворцовый город для большей близости к императору филиалы. К востоку от восточных ворот Яньминмэнь находилась дворцовая фракция Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省), Институт Распространения словесности (*хунвэньгуань* 弘文館) и Историкографический институт (*шигуань* 史館). К западу от западных ворот Яньминмэнь располагались дворцовая фракция Надзора Срединных документов (*чжуншувэй* 中書省) и контора домочадцев при срединных документах (*чжуншувэй шэжэнь* 中書舍人), называвшаяся *шэжэньюань* 舍人院. Дальше вглубь Дворцового комплекса, судя по всему, административных зданий уже не было. Там, на центральной оси, располагались знаменитые дворцы Двух начал, т.е. Неба и Земли (*ляньйидянь* 兩儀殿) и Сладкой (Медвяной, Благодатной) росы (*ганьлудянь* 甘露殿), к которым вели соответственно названные ворота. И многие иные. Там император жил, отдыхал, там его обслуживали, увеселяли и, конечно же, охраняли, охраняли, охраняли.

Дворцовый комплекс Великих светил

Уже упоминалось, что с определённого времени Дворцовый комплекс Дамингун (大明宮)²⁶, построенный поначалу для «отдыхновения» основателя танской династии императора Гао-цзу, отстранённого от власти сыном, после основательной перестройки стал основной резиденцией танских императоров. Поэтому как все правила соблюдения режима, так и все уголовные нормы, предусмотр-

1964, с. 358]. Годы правления под девизом Кай-хуан приходятся на 589–600 гг., У-дэ — на 618–626 гг., Шэнь-лун — на 705–707 гг.

²⁵ Эти ворота находились на вертикальной оси Дворцового города между воротами Чэнтянь и воротами Тайцзи. Стена, центральными воротами которой были ворота Цзядэ, отделяла внешний контур Дворцового города от самого Дворцового комплекса.

²⁶ «大明 da-ming великие светила (*обр. о солнце и луне*)» [БКРС, т. 3, с. 624]. «Солнце; солнце и луна» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 2, с. 1453].

ренные за их нарушение, относились в равной степени и к старому Дворцовому городу, и к комплексу Дамингун.

Отличаясь, вероятно, и впрямь более здоровым климатом, Дамингун структурно и архитектурно был вполне подобен Дворцовому городу. В «Тан лю дянь» он, естественно, удостоился отдельного и вполне пространного описания, которое состоит из столь же скрупулёзных и в то же время относительно малоинформативных перечислений, что и описание Дворцового города.

Дворцовый комплекс Дамингун — на юго-востоке Запретного парка (*цзиньюань* 禁苑), на западе примыкает к северо-восточной стороне Дворцового города. Во 2-ом году Лун-шо (661–663) Гао-цзун, поскольку Великая сокровенность (*да нэй* 大內) была расположена в низменной и сырой [местности] (*бэйши* 卑濕), построил [иной] Дворцовый комплекс [Тан лю дянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*]²⁷.

Южная стена комплекса имела пять входов.

- ◆ центральные ворота назывались Даньфэнмэнь (丹鳳門);
- ◆ восточнее них — Вансяньмэнь (望仙門);
- ◆ ещё восточнее — Тинчжэнмэнь (廷政門);
- ◆ ворота западнее центральных — Цзяньфумэнь (建福門);
- ◆ ещё западнее — Синъаньмэнь (興安門).

Центральные ворота Дамингуна прежде служили воротами входа в расположенный севернее столицы Запретный парк и были построены, как и вся столица, ещё при династии Суй, в 3-й год Кайхуан (589–600). Остальные ворота Дамингуна были построены одновременно с реконструкцией комплекса уже при Тан.

За воротами Даньфэнмэнь — главный дворец (*чжэндянь* 正殿), называется Ханьюаньдянь (含元殿). Дворец расположен на восточном подножии горы Луншоушань (龍首山). Подъём лестницы выше уровня земли (*цзешан гао тинди* 階上高平地) на 40 с лишним *чи*²⁸. На юге [дворец] отстоит от ворот Даньфэнмэнь на 400 с лишним *бу*²⁹, на востоке и на западе — [пространство] шириной 500 *бу*³⁰. Ныне аудиенции при дворе в первый день Нового года и в день зимнего солнцестояния проходят там. По сторонам от дворца (*цзя дянь* 夾殿) две палаты (*гэ* 閣),

²⁷ Под Великой сокровенностью подразумевается старый Дворцовый город.

²⁸ Более 12,5 м.

²⁹ Более 622 м.

³⁰ 777 м.

левая называлась Сянлуаньгэ (翔鸞閣), правая называлась Ци-фэнгэ (棲鳳閣) [Тан лю дьянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

Палаты Сянлуаньгэ (Парящего феникса) и Цифэнгэ (Отдыхающего феникса) были, возможно, аналогами палат Шангэ, которые располагались к востоку и западу от главного дворца Тайцзидянь в старом дворцовом городе. Хотя на одной из карт-схем Дамингуна строения, расположенные по сторонам от дворца Ханьюаньдянь, названы не палатами (*гэ* 閣), а башнями, теремами (*лоу* 樓): Сянлуаньлоу (翔鸞樓) и Цифэнлоу (棲鳳樓); боковые же Высокие палаты (*шангэ* 上閣), согласно этой схеме, располагались по бокам следующего на север крупного осевого дворца Сюаньчжэндянь [Тодай но Тёан то Ракуё, 1956. Схема 29].

Перед палатами — тронные залы (*чаотан* 朝堂), а также красный камень (*фэйши* 肺石) и барабан, взывающий к слуху (*дэньвэньгу* 登聞鼓), для [поддержания] порядка, [ради которого] Небо удостоило мандата (*жу чэнтянь чжи чжи* 如承天之制) [Тан лю дьянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

Таким образом, если верить этому описанию, главные механизмы, традиционно призванные обеспечивать обратные связи между властью и населением, вообще не упоминавшиеся применительно к старому Дворцовому комплексу, оказались либо перенесены, либо заново встроены именно в комплекс Дамингун. Барабан, взывающий к слуху — известное приспособление; традиционно считалось, что всякий, кто невинно пострадал или испытывает в чём-то неоправданную нужду, может постучать в этот барабан перед императорским дворцом, и на звук к нему выйдут и выслушают³¹. Красный камень — менее известен. Исстари считалось, что любой несправедливо обиженный или обнищавший может прийти к жилищу правителя, встать на лежащий близ входа красный камень и, если простоит на камне три дня, правитель непременно выслушает его жалобы и накажет тех местных старших или начальствующих, что допустили по отношению к жалобщику несправедливость [Чжунвэнь да цыдянь, т. 7, с. 977].

На север — ворота Сюаньчжэнмэнь (宣政門).

Перед воротами на восток — галерея с воротами Цидэмэнь (齊德門), на запад — галерея с воротами Синлимэнь (興禮門).
Внутри [за воротами] (*нэй* 內) дворец Сюаньчжэндянь (宣政殿).

³¹ «Большой барабан снаружи перед тронным залом. Если в народе кто-то имел увещание [к императору] или чувствовал, что его несправедливо обидели, он мог ударить в этот барабан и донести [свои слова до верхов]» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 6, с. 834].

Перед дворцом [Сюаньчжэндянь] к востоку — галерея с воротами Жихуамэнь (日華門), к востоку от [этих] ворот — Привратный надзор (*мэньсяшиэн* 門下省), от надзора на восток, на юг и на север улицы. <...> Перед дворцом Сюаньчжэндянь к западу — галерея с воротами Юэхуамэнь (月華門), к западу от [этих] ворот — Надзор Срединных документов (*чжуншюшэн* 中書省), от надзора на запад, на юг и на север — улицы <...> [Тан лю дянь, цз. 7, разд. *Гунбу ланчжун*].

И так далее, и так далее.

Опять-таки если верить этому описанию (а у нас нет оснований ему не верить) дворцовые филиалы главных учреждений, обслуживавших и формализовавших законодательную деятельность императора, тоже были перенесены в Дамингун. Пустовали ли их двойники в старом Дворцовом городе или там продолжалась какая-то вспомогательная бумажная деятельность, сказать невозможно.

Действующие лица

Приведённый Э.П. Стужиной колоритный пассаж Э. Балаша о ночных уличных патрулях [Balazs, 1964, p. 69], процитированный в вышеприведённой цитате из «Китайского города», взят Балашем не из китайского источника, а из монографии Р. де Ротура «*Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée*» [Rotours, 1947–1948, p. 536–537]. Работа де Ротура представляет собой полный комментированный перевод раздела о чиновничестве (*байгуаньчжи* 百官志 — «Описание всех чиновников») из «Синь Тан шу» («Новой истории Тан») на французский язык. Данный пассаж относится к описанию функционирования одной из императорских гвардий, а именно — Гвардии Птицы счастья (*цзиньвэй* 金吾衛). В первой части моей «Танской бюрократии», тоже в значительной степени основанной на материале «Синь Тан шу», структуре и задачам данной гвардии посвящена главка «Левая и правая гвардии Птицы счастья». Там, в частности, говорится:

Гвардии Птицы счастья (*цзиньвэй* 金吾衛) имели несколько специфических сфер ответственности, которые были связаны не столько с охранными, сколько с полицейскими функциями. Они ведали патрулированием (*сюньцзин* 巡警) на внутренних территориях Дворцового комплекса (*гун чжун* 宮中) и вообще в столице (*цзинчэн* 京城) <...>

Левый и правый уполномоченные по поддержанию порядка на улицах (*цзеши* 街使) ведали распределением людей для патрулирования на 6 левых и 6 правых улицах. У всех городских ворот и на углах кварталов располагались военизированные посты караула (*ухоулу* 武侯鋪). У больших ворот распола-

гались 100 человек, на больших постах — 30 человек, у малых ворот — 20 человек, на малых постах — 5 человек.

Когда солнце садилось, полагалось бить в барабаны 800 раз и по этому сигналу закрывались все ворота. Во вторую ночную стражу уполномоченные по поддержанию порядка на улицах отряжали конников для несения патрульной службы. Патрульные издавали громкие возгласы. Военные чиновники (*у гуань* 武官) вели осмотр незаметно [Рыбаков, 2009, с. 382–385].

Охране общественного порядка вообще и порядка на территориях государственных учреждений и монаршего бытия танское государство и танские законы уделяли самое пристальное внимание. Большие города с их многочисленным, сложным и отчасти вполне мобильным населением объективно требуют более внимательного и жёсткого контроля, чем мирные деревенские просторы, где люди десятилетиями живут бок о бок, исстари знают друг друга и не обураваемы какими-то особыми амбициями. Тем более такой контроль необходим на территориях осуществления властных полномочий, на клочках земли, фактически — пятачках, где сосредоточены главные конкурентные поползновения наиболее амбициозных жителей империи, где туго переплетены в постоянной напряжённой схватке индивидуальные представления о благе страны, помноженные на неизбежное стремление каждого к собственному благу, на тотальные и нескончаемые потуги добиться благосклонности владыки и использовать её в своих целях, на пусть и вводимую конфуцианскими нормами в какие-то приличные рамки, но всё равно негасимую корысть, которая в деревне, возможно, и удовлетворится лишней мерой зерна, а вот во дворцах лишь пуще распалается среди роскоши, россыпей древних редкостей и сокровищ.

Поддержание общественного порядка и охрана государственных учреждений и первых лиц государства возлагались в танской империи на две основные группы военных.

Во-первых, это гвардии (*вэй* 衛), комплектовавшиеся, главным образом, посменно призываемыми на службу в столицу военнообязанными территориальных дружин ополчения (*чжэчунфу* 折衝府). И, во-вторых, элитные подразделения различного рода телохранителей и почётных караульных, в которые могли быть зачислены лишь сыновья или внуки по мужской линии чиновников достаточно высоких рангов.

Все люди с 20 лет становятся военнообязанными (*вэй бин* 為兵), а в 60 лет избавляются [от воинской повинности] [Синь Тан шу, 1975, с. 1325].

Раз в 3 года [проверяются] списки [военнообязанных]. [Кто] достиг совершеннолетия, того включают. [Кому исполнилось] 60, того избавляют [Ниидо Нобору, 1964, с. 377].

Согласно «Синь Тан шу», вся Поднебесная была подразделена на 634 территориальные дружины ополчения [Синь Тан шу, 1975, с. 1325]. Мы уже знаем, что к цифрам, приводимым в китайских источниках, надо относиться с некоторой осторожностью³² — ведь в разное время могло быть по-разному уже потому хотя бы, что территория империи то разрасталась, то съеживалась, и это не могло не оказывать влияния на административно-территориальное деление, как гражданское, так и военное. Но опять-таки порядок величин понятен.

Дружины подразделялись на 3 разряда. Те, где насчитывалось 1200 бойцов, считались высшими, где 1000 — средними, где 800 — низшими.

В офицерский состав каждой дружины, вне зависимости от её разряда, входили:

- ◆ 1 общеназначенный пристав, отбивающий вражки нападения (*чжэчун дувэй* 折衝都尉);
- ◆ 1 левый и 1 правый непреклонно-смелые общеназначенные приставы (*гои дувэй* 果毅都尉), или просто 1 левый и 1 правый непреклонные смельчаки (*гои* 果毅);
- ◆ 1 главный администратор (*чжанши* 長史);
- ◆ 1 соучастник по делам отдела личного состава (*бинцао цаньцзюньши* 兵曹參軍事);
- ◆ 1 нарочный командующий (*бецзян* 別將);
- ◆ 6 начальствующих приставов (*сяовэй* 校尉).

200 человек составляли полк (*туань* 團). Каждый из полков возглавлял начальствующий пристав (*сяовэй* 校尉). 50 человек составляли взвод (*дуй* 隊), во главе каждого — взводный исправник (*дуйчжэн* 隊正). 10 человек составляли отделение (*хо* 火), во главе каждого — старшина (*чжан* 長) [Тан лю дьянь, цз. 5, разд. *Бинбу ланчжун*].

По «Синь Тан шу», правда, численность полков составляла 300 бойцов, но это вряд ли так. Если бы действительно 6 *сяовэев* командовали *туанями* по 300 человек, численность дружины должна была бы равняться 1800 человек, а она даже для высших дружин указана как 1200. Поэтому 300 надо, похоже, понимать как 200. Тогда цифры сходятся: в высшей дружине у 6 *сяовэев* под началом 1200, в средней у 5 *сяовэев* — 1000, и в низшей у 4 *сяовэев* — 800 рядовых.

³² В «Тан лю дьянь», например, в аналогичной роли фигурирует число 594 [Тан лю дьянь, цз. 5, разд. *Бинбу ланчжун*].

Именно в таком виде реконструировал сходное по смыслу общеобязательное установление (*лин* 令) Ниида Нобору в своём сборнике:

Каждый предводитель роты (*люйшуй* 旅帥) имеет в подчинении 2-х взводных исправников (*дуйчжэн* 隊正). Каждый начальствующий пристав (*сяовэй* 校尉) имеет в подчинении 2-х предводителей рот. 200 гвардейцев (*вэйши* 衛士) составляют полк (*туань* 團). В полку имеется начальствующий пристав (*сяовэй* 校尉). 50 человек составляют взвод (*дуй* 隊). Во взводе имеется исправник (*чжэн* 正) [Ниида Нобору, 1964, с. 365].

Таким образом, минимальным подразделением дружины было отделение численностью в 10 человек во главе со старшиной. 5 отделений, то есть 50 человек, составляли взвод во главе со взводным исправником. 2 взвода, то есть сотня бойцов, составляли роту во главе с ротным предводителем. 2 роты, то есть 200 человек, составляли полк во главе с начальствующим приставом. Количество полков в дружине зависело от её разряда: 6, 5 или 4.

Окончательное распределение по подразделениям и частям осуществлялось в момент призыва.

При отправке в поход или на службу в пограничных заставах и гарнизонах гвардейцев [подразделяют на] полки (*туань* 團) и пятки (*у* 伍). Тех, кто хорош в стрельбе из лука и верховой езде, [зачисляют] в полки отборной конницы (*юэци туань* 越騎團), остальных — в пешие полки (*бубин туань* 步兵團). Их возглавляют командиры (*чжушуй* 主帥) и более низкие [начальники] [Там же, с. 366].

Закон старался соблюдать интересы семей и ценность семейных связей, учитывая их при призыве военнообязанных на службу.

Отцов, старших братьев, сыновей и младших братьев вместе [на службу] не отправляют. Если дед или бабка по мужской линии, отец или мать стары либо больны и в семье нет других совершеннолетних тяглых, избавляют от отправки в походы и [назначения на] посменное дежурство (*мянь чжэнсин цзи фань шан* 免征行及番上) [Там же, с. 370].

Существовали законодательно установленные перечни того, что должно входить в вооружение и экипировку отделений и взводов и кто за какую часть надлежащего имущества в ответе. Например:

[На отделение] имеют 6 вьючных коней. Если в [данной] местности нет коней, [для перевозок] используют ослов, мулов или быков [Там же, с. 366].

Также на каждое отделение полагалось иметь палатку, железную поилку и холстяную кормушку для лошадей, лопату, мотыгу,

долото, толчею, корзину, топор, клещи, пилу, два серпа. Каждому бойцу полагались лук и 30 стрел, колчан, поясной боевой меч (*хэн-дао* 橫刀), точильный камень, шило, комплект войлочного обмундирования и походных ножных плетёнок (*синтэн* 行藤). «Синь Тан шу» скрупулёзно отмечает:

Доспехи и вооружение хранились на казённых складах.

При отправке в поход их выдавали тем, кто выступает. Тем, кто заступал в дежурную смену гвардейской стражи (*фань шан сувэй* 番上宿衛), выдавали только лук, стрелы и боевые поясные мечи [Синь Тан шу, 1975, с. 1325].

Столичный гвардейский гарнизон состоял из 16 гвардий; впрочем, по сути, их было 8, но каждая подразделялась на левую и правую. Это не было пустым дублированием или чистой данью нумерологии, но определённым образом сказывалось и на конкретных функциях. Например, на территории Дворцового комплекса или дворцов полагалось, как правило, входить слева, а выходить направо. Возможно, эта традиция возникла из стремления уподобиться движению солнца. Так вот в «Синь Тан шу» при описании функций Привратных гвардий (*цзяньмэньвэй* 監門衛) сообщается, что командующий левой Привратной гвардии принимал решения по входам, а командующий правой Привратной гвардии — по выходам (*цзо цзяньмэнь цзянцзюнь пань жу ю цзяньмэнь цзянцзюнь пань чу* 左監門將軍判入右監門將軍判出) [Синь Тан шу, 1975, с. 1286]³³.

Первыми в «Синь Тан шу» в перечне гвардейских формирований идут:

1. Левая и Правая гвардии (*цзо ю вэй* 左右尉), которым — возможно, именно в силу их первенства — ни к чему были цветистые наименования, характерные для всех остальных. Зоной их ответственности были жилые дворцы и весь запретный Дворцовый комплекс (*гунцинь* 宮禁). В круг обязанностей начальства этих гвардий входило также общее руководство Пятью столичными дружинами (*у фу* 五府)³⁴.

³³ Вряд ли, конечно, командующий (пусть даже по штату их было двое в левой гвардии и двое в правой) лично принимал решения по каждому входу или выходу. *Пань* здесь следует скорее понимать в обобщённом смысле — отвечал за решения, принятые его подчинёнными при всех входящих в сферу ответственности данной гвардии воротах.

³⁴ Под этим названием выступает некий не вполне определённый сегмент расквартированных в столице вооружённых сил Тан. Подробнее см.: [Рыбаков, 2009, с. 368–374]. Именно к руководству этих дружин относились такие не принадлежавшие к составу самих гвардий, но часто упоминаемые в

Затем шли:

2. Левая и правая Доблестные гвардии (*сяовэй* 驍衛). Отряжали бойцов для несения стражи у ворот по четырём сторонам Императорского города, а также внутри и вне Дворцового города, и — совместно слевой и Правой гвардиями — для постов и опорных пунктов охраны (*чжунпу* 助鋪)³⁵.

3. Левая и правая Воинственные гвардии (*увэй* 武衛). Особой зоны ответственности для данной гвардии «Синь Тан шу» не указывает.

4. Левая и правая Величаво-грозные гвардии (*вэйвэй* 威衛). Зона ответственности — посты охраны восточной стороны Императорского города.

5. Левая и правая Водительствующие армиями гвардии (*линцзюньвэй* 領軍衛). Зона ответственности — посты охраны западной стороны Императорского города, а также ворота столицы и столичных парков.

6. Левая и правая Гвардии Птицы счастья (*цзиньувэй* 金吾衛). Ведали патрулированием (*сюньцзин* 巡警) во внутренних территориях Дворцового комплекса (*гун чжун* 宮中) и вообще в столице (*цзинчэн* 京城), а также на больших и малых дорогах, на реках и пустошах (*шуй цао* 水草), плюс — поддержанием порядка в системе сторожевых маяков и сигнальных огней (*фэнхоу* 烽候), обеспечивавших экстренную связь окраин со столицей. Во время походов и охот отвечали за охрану левого и правого походных лагерей. Во время проведения крупных работ вместе со специально назначенными для этого державными наблюдателями (*юйши* 御史) надзирали за трудовым процессом и патрулировали территорию работ.

7. Левая и правая Привратные гвардии (*цзяньмэньвэй* 監門衛). Контролировали вход и выход через ворота Императорского и Дворцового городов, проверяли документы входящих. Во время императорских вояжей отвечали за охрану походных дворцов.

законах и уставных требованиях офицеры, как срединные мѳлодцы-командующие (*чжунланцзян* 中郎將), левые и правые мѳлодцы-командующие (*ланцзян* 郎將) и др.

³⁵ Относительно термина *чжунпу* в «Большом словаре китайского языка» сказано: «места размещения охраняющих столицу войск» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 2, с. 24]. Но, конечно, это не казармы, а караульные помещения, расположенные по периметру (а возможно, и внутри) охраняемой территории. Оттуда выходили на патрулирование, там отдыхали во время дежурства, там надевали и снимали оружие.

8. Левая и правая гвардии Не тупящихся мечей (*цяньнювэй* 千牛衛). Обеспечивали непосредственную охрану императора (его собственный конвой — *шивэй* 侍衛) и поднесение ему церемониального оружия (*бинчжан* 兵仗) при осуществлении государственных ритуалов.

Комсостав всех гвардий был однотипен. Скажем, в управленческий аппарат каждой из двух Доблестных гвардий входили:

- ◆ 1 верховный командующий (*шан цзянцзюнь* 上將軍);
- ◆ 1 главнокомандующий (*да цзянцзюнь* 大將軍);
- ◆ 2 командующих (*цзянцзюнь* 將軍).
- ◆ 1 главный администратор (*чжаниши* 長史);
- ◆ 1 соучаствующий в делах секретарь (*луши цаньцзюньши* 錄事參軍事);
- ◆ 2 соучастника по делам отдела зернохранилищ (*цанцао цаньцзюньши* 倉曹參軍事);
- ◆ 2 соучастника по делам отдела личного состава (*бинцао цаньцзюньши* 兵曹參軍事);
- ◆ 1 соучастник по делам конного отдела (*цицао цаньцзюньши* 騎曹參軍事);
- ◆ 1 соучастник по делам отдела шлемов (*чжоуцао цаньцзюньши* 冑曹參軍事).

Кроме этих руководителей с более или менее понятными функциями в офицерский состав практически всех гвардий входили ранговые военнослужащие: левые и правые ведающие лестницами (*сыцзе* 司階), срединные караульные (*чжунхоу* 中候), ведающие клевцами (*сыгэ* 司戈), держащие алебарды (*чжицзи* 執戟) и бессменные (*чаншан* 長上). По сути о них мало что можно сказать кроме того, что вычитывается из самих названий их должностей: ведающие лестницами контролировали расстановку караулов при и на лестницах, ведущих к зданиям дворцов, срединные караульные надзирали за порядком на вверенных их подразделениям сегментах внутренних территорий и т.д.

Левая и Правая гвардии комплектовались сменами из 60 приданных им и контролируемых ими дружин ополчения. Прочим гвардиям придавалось от 50 до 40 дружин. Остальные территориальные дружины ополчения находились в ведении воеводо-вых дружин — гвардейских формирований наследника престола (*тайцзы шуайфу* 太子率府).

Длительность службы в столице каждой смены (*фань* 番) гвардейцев составляла один месяц. Количество смен определялось состоянием территории комплектования данной дружины от столицы.

[Кто живёт в пределах] 500 *ли* — служат в 5 смен, [в пределах] 1000 *ли* — в 7 смен, [в пределах] 1500 *ли* — в 8 смен, [в пределах] 2000 *ли* — в 10 смен, [кто живёт] ещё дальше — в 12 смен. Все дежурят 1 месяц [Синь Тан шу, 1975, с. 1326].

Это значит, по-видимому, что те военнообязанные, кто, например, жил в пределах 500 *ли* от столицы, служили каждый пятый месяц после четырёх. Те, кто жил дальше, чем в 500 *ли*, но в пределах 1000 *ли* — каждый седьмой месяц после шести. Прямых указаний на это нет, но ясно, что время перемещения от места жительства в столицу и обратно не включалось во время службы. Именно поэтому перерывы между сменами у живущих дальше были сделаны дольше.

В «Тан лю дянь» приводится несколько иная схема, не отличающаяся от этой принципиально, но устанавливающая несколько иные нормативы.

[Кто живёт] более чем в 100 *ли* (*бай ли вай* 百里外) — служат в 5 смен, более чем в 500 *ли* — в 7 смен, более чем в 1000 *ли* — в 8 смен, все они дежурят 1 месяц. [Кто живёт] более чем в 2000 *ли* — в 9 смен, и месяцы их дежурства удваиваются (*бэй ци юэ шан* 倍其月上) [Тан лю дянь, цз. 5, разд. *Бинбу ланчжун*]³⁶.

Те, кто в отличие от ничем не отличившихся в прошлом военнообязанных простолюдинов или офицеров ополчения был удостоен за прежние военные заслуги наградных должностей (*сюньгуань* 勳官)³⁷, призывались на посменное дежурство на несколько иных основаниях.

[Кто живёт] в пределах 500 *ли* (*у бай ли нэй* 五百里内), служат в 7 смен, в пределах 1000 *ли* — в 8 смен, в пределах 2000 *ли* — в 10 смен. [Живущие] далее, чем в 2000 *ли*, — в 12 смен. Все дежурят 1 месяц. Те, кто имеет ранги от 4-го и ниже, от 9-го и выше, несут посменную службу в Военной части (*бинбу* 兵部): [живущие] в пределах 500 *ли* — в 4 смены, в пределах 1000 *ли* — в 5 смен, в пределах 2000 *ли* — в 6 смен, в пределах 2500 *ли* — в 7 смен, в пределах 3000 *ли* — в 8 смен, и все они дежурят 1 сезон (*гэ и цзи шан* 各一季上). [Те, кто живёт] далее, чем в 3000 *ли*, избавляются от посменной службы, их лишь созывают сообразно необходимости. По истечении [срока] смены тем, у кого ранг от 6-го и ниже, разрешается принять участие в

³⁶ «Месяцы удваиваются» — то есть при столь дальних переездах от места жительства к месту службы, чтобы не перегружать коммуникации, не гонять людей в такую даль понапрасну, смены длились не месяц, а два.

³⁷ О наградных должностях см.: [Рыбаков, 2009, с. 103–107].

отборочных экзаменах (*сюань* 選), и соответственно талантам и способностям их либо оставляют в исходном учреждении (*бэньсы* 本司), либо отправляют служить в Чиновную часть (*либу* 吏部). О тех, у кого ранги от 5-го и выше, направляют докладную записку (*цзоувэнь* 奏聞) [императору об их достоинствах и недостатках с тем, чтобы император сам решил, куда их далее назначить] [Ган лю дянь, цз. 5, разд. *Бинбу ланчжун*].

У тех, кто уже прибыл в столицу для прохождения гвардейской службы, всё было ещё более непросто.

Понятно, что прибывшие в столицу на месяц рядовые бойцы и офицеры, их начальство, как прибывшее вместе со своей сменой территориальных ополченцев, так и столичное, не могли весь месяц функционировать активно: стоять на часах, патрулировать улицы, проверять документы у ворот и так далее. Поэтому как те, кто представлял собой столичное гвардейское командование, так и те, кто попал в столицу в составе своей смены, в свою очередь, тоже подразделялись на смены.

Кадровый столичный комсостав, равно как элитные телохранители, служили, по всей видимости, на постоянной основе. В «Ган лю дянь» говорится:

Командующие (*цзянцзюнь* 將軍), срединные мѳлодцы-командующие (*чжунланцзян* 中郎將), мѳлодцы-командующие (*ланцзян* 郎將), а также воеводы (*шуй* 率) и товарищи воевод (*фу шуй* 副率) всех гвардий наследника престола, личные телохранители с не тупящимися мечами (*цяньню бэйшэнь* 千牛備身), левые и правые личные телохранители (*бэйшэнь* 備身), стражи наследника с не тупящимися мечами (*цяньню* 千牛) служат бессменно (*чаншан* 長上) [Гам же].

Вряд ли это надо понимать так, что они обязаны были непрерывно находиться на своих рабочих местах или постах. Скорее это значит, что, во-первых, они не подвергались ежемесячной ротации, а были резидентами столицы, и, во-вторых, их служба не носила распорядка типа «день работаешь, три отдыхаешь».

А вот начальство местных дружин, прибывшее в столицу во главе своих рядовых, служило иначе.

Общеначальствующие приставы (*чжэчун дувэй* 折衝都尉) и непреклонные смельчаки (*гои* 果毅), которым полагается нести ночную стражу, 1 день дежурят, 2 отдыхают (*и жи шан лян жи ся* 一日上兩日下). Бессменные всех категорий (*чжу сэ чаншан* 諸色長上), а также ведающие лестницами (*сыцзе* 司階), срединные караульные (*чжунхоу* 中候), ведающие клеветами

(сыгэ 司戈), держащие алебарды (чжицзи 執戟) 5 дней дежурят, 10 дней отдыхают (у жи шан ши жи ся 五日上十日下午) ... Бессменные здоровяки дежурят каждый день (чанжэнь чаншан мэй жи шан 長人長上每日上) [Там же]³⁸.

И вот ещё интересное предписание:

Иноплеменники, служащие на военных должностях, избавлены от ночных [дежурств] (фаньжэнь жэнь у гуань чжэ бин мянь жу су 蕃人任武官者並免入宿) [Там же].

По форме, да, наверное, отчасти и по сути, — некая привилегия, благодарное и поощрительное послабление, дарованное неханьцам, коль они согласны верой и правдой служить империи. И в то же время — бережёного бог бережёт, ведь мало ли что взбредёт в голову иноплеменнику ночью близ запретных покоев. Так и видишь империю с непритворно человеческим лицом, на котором при всём том отчётливо проступает толика опасливости по отношению к национальным кадрам.

На всех гвардейцев велись именные послужные списки (минбу 名簿). По месту текущей службы тех, кто за истекшие 3 года (сань нянь илай 三年已來) ходил в походы, служил в пограничных гарнизонах или имел какие-то иные специфические назначения, распределяли согласно проявленным ими достоинствам и недостаткам на 3 категории и ежегодно в 10 день первой луны (мэй нянь чжэньюэ ши жи 每年正月十日) отправляли эти характеристики в администрацию той территориальной дружины, к которой был приписан данный боец. Копия отправлялась из администрации руководству той гвардии, которую обслуживала и базой комплектования которой данная дружина была. Если данная фраза источника понята правильно, получается, что характеристики, каждая из которых должна была охватывать трёхлетний период, а составлялась ежегодно, в значительной мере

³⁸ О «здоровяках» мало что можно сказать. Среди регулярных названий многочисленных подразделений стражи и караула их не упоминают. В данном же тексте «Тан лю дянь» приводится лишь следующая характеристика: «В здоровяки берут крепышей ростом в 6 чи 6 цуней и более, [числом] 40 человек, и распределяют их в левую и правую Привратные гвардии. По получении 4-х аттестаций соответственно допускам они получают военные почётные должности и, как прежде, [служат] бессменно (чанжэнь цюй лю чи лю цунь ишан хоу чжэ сы ши жэнь фэнь цзо ю цзяньмэньвэй бэй сы као и чуиэнь шишоу усаньгуань и цзю чаншан 長人取六尺六寸已上厚者四十人分左右監門衛備四考依出身例授武散官依舊長上)». При том, что 6 чи и 6 цуней составляют около 205 см, предписанные для здоровяков параметры внушают трепет и некоторое недоверие.

дублировали оценку военнoслужашего. Возможно, это делалось с целью получения более объективной информации, получения сведений из перекрёстных источников в тех случаях, когда, например, место конкретной службы данного бойца за истекший год сменилось.

Между основной массой военнoслужаших, то есть рядовых и провинциального офицерства, и так называемыми тремя видами стражи Пяти дружин (*у фу чжи сань вэй* 五府之三衛) существовали сложные и не вполне понятные организационные и субординативные отношения. Первых поименно командировали в столичные гвардии из территориальных дружин ополчения. Вторые были относительно немногочисленны, формировались, по-видимому, исключительно из отпрысков видных чиновников и знати, неся при этом охранную службу только во дворцах и только в качестве почётных караулов (*чжан* 仗) [Рыбаков, 2009, с. 362–363, 369–375]. Интерпретация этих организационных изысков, сама по себе достаточно сложная, затрудняется ещё и тем, что соответствующие китайские тексты выглядят крайне тавтологичными, но одни и те же иероглифы в них обозначают, судя по всему, какие-то различные реалии.

Например, в «Тан лю дянь» говорится:

Ближняя стража (*цинъвэй* 親衛), заслуженная стража (*сюньвэй* 勳衛), оберегающая стража (*ивэй* 翊衛) излевой и Правой гвардий (*цзо ю вэй* 左右衛), ближняя, заслуженная и оберегающая стражи (*цинъ сюнь и вэй* 親勳翊衛) излевой и правой воеводо-вых дружин (*цзо ю шуайфу* 左右率府), а также оберегающая стража из всех гвардий (*чжу вэй чжи ивэй* 諸衛之翊衛) в целом называются Тремя стражами (*тунвэй чжи сань вэй* 通謂之三衛). <...> Три стражи отлевой и Правой гвардии (*цзо ю вэй чжи сань вэй* 左右衛之三衛) распределены на 5 караулов (*у чжан* 五仗) [Тан лю дянь, цз. 5, разд. *Бинбу ланчжун*].

Идентичный текст обнаруживается и в «Цзю Тан шу» («Старой истории Тан») [Цзю Тан шу, цз 43, разд. *Бинбу ланчжун*].

С другой стороны, как объясняется в «Синь Тан шу», дружина ближних стражей (*цинъвэй чжи фу* 親衛之府) была одна, и называлась она ближней дружиной (*цинъфу* 親府). Дружин заслуженных стражей (*сюньвэй чжи фу* 勳衛之府) было две. Дружин оберегающих стражей (*ивэй чжи фу* 翊衛之府) также было две. Таким образом, всего получалось Пять дружин (*у фу* 五府) [Синь Тан шу, 1975, с. 1281–1282].

То есть можно предположить, что Пять дружин — это пять более или менее самостоятельных организационных единиц, тогда как Три стражи — это объединённые исключительно совпадающими названиями разные организационные единицы, входившие в различные

более крупные организации и подчинённые каждая своему непосредственному командованию.

Все, кто заступал в ночную стражу за пределами внутренних галерей, палат и ворот (*фань сувэй нэй лан э мэнь вай* 凡宿衛內廊閣門外), подразделялись на 5 караулов. Первый — почётный караул непосредственного служения (*гунфэнчжан* 供奉仗), второй — ближний почётный караул (*цинчжан* 親仗), третий — заслуженный почётный караул (*сюньчжан* 勳仗), четвёртый — оберегающий почётный караул (*ичжан* 翊仗), пятый — свободнорукий почётный караул (*саньшоучжан* 散手仗), все они сидели подле восточных и западных галерей (*цзе цзо юй дун си лан ся* 皆坐於東西廊下). Если же император во время каких-то мероприятий восседал в главном зале дворца (*юй цзо чжэндянь* 禦坐正殿), тогда они стояли у нижних окончаний восточной и западной лестниц, поднимавшихся ко дворцу (*ли юй лян цзе чжи цы* 立於兩階之次). Если император выезжал из Дворцового города, караулы сопровождали его согласно отдельно прописанным правилам почётного эскорта (*лубу чжи фа* 鹵簿之法) [Тан лю дьянь, цз 24, разд. *Цзо ю линцзюньвэй*].

К тому же:

В личные телохранители с не тупящимися мечами (*цяньню бэйшэнь* 千牛備身), личные левые и правые телохранители (*бэйшэнь цзо ю* 備身左右), а также стражи Не тупящихся мечей (*цяньню* 千牛) при наследнике престола берутся те из сыновей и внуков по мужской линии чиновников, занимающих служебные должности 3-го ранга или выше и из сыновей безупречных чиновников (*цингуань* 清官) 4-го ранга, кто [имеет] благородную внешность, достойное поведение и искушён в боевых искусствах. <...> После пяти переаттестаций (*као* 考) в своём учреждении, соответственно — гражданских или военных, [они проходят квалификационные] проверки (*ши* 試) и [тогда им] разрешается [держать] отборочные [экзамены для назначений на должности] (*сюань* 選) [Ниидэ Нобору, 1964, с. 381].

То есть для отпрысков крупных чиновников служба в тех или иных подразделениях элитной охраны облегчала старт дальнейшей карьеры, причём как по военной, так и по гражданской линии.

С немалой степенью вероятности можно сказать, что основные рутинные обязанности по реальному исполнению полицейских функций и обеспечению безопасности Императорского и Дворцового городов возлагались на гвардейцев, а элитные подразделения молодых телохранителей, в силу происхождения уже принадлежащих к служилому сословию, выполняли в основном ритуальные и церемониальные

функции, украшая дворец и проходящие в нём мероприятия, а параллельно — выслуживая следующие этапы продвижения по карьерной лестнице.

Помимо постоянных постов и караулов существовали ещё разного рода подвижные патрули.

Режим

Соблюдение режима невозможно без точного измерения времени и отлаженной системы передачи данных о нём.

Сутки подразделялись, прежде всего, на ночное и дневное время, а то, в свою очередь, на двухчасовые промежутки — стражи (*гэн* 更). Формально, сколько можно понять, дневное время тоже могло измеряться стражами, но в деловом отношении это членение со всеми вытекающими последствиями применялось лишь к ночи, то есть к части суток с 7 (19) часов вечера до 5 часов утра:

- ◆ 1-ая стража: 7—9 часов,
- ◆ 2-ая стража: 9—11 часов,
- ◆ 3-ая стража: 11—01 часов,
- ◆ 4-ая стража: 01—03 часа,
- ◆ 5-ая стража: 03—05 часов³⁹.

Более мелкими, более дробными промежутками служили *кэ* 刻 — сотые части суток, составлявшие ок. 14,4 минуты, то есть, фактически, четверть нашего часа, и *дянь* 點 — пятые части стражи, значит — усреднённо 24 минуты. Существовала и такая единица измерения, как *чоу* 籌, то есть «счётная бирка». Фактически этот термин применялся как синоним *дянь*, то есть, надо полагать, этими бирками следящие за течением времени сотрудники дворцовой Террасы Ведающих небом (*сытяньтай* 司天臺)⁴⁰ отмечали каждую прошедшую пятую часть ночной стражи. Скажем, первая бирка первой ночной стражи — это в стандартной ситуации 19 часов 24 минуты. Но получается, что *кэ* всегда и везде были одинаковы, ибо

³⁹ Впрочем, возможно, жёсткого соответствия стражи нашим двум часам и не было. «Двухчасовые периоды (или стражи) были неодинаковой продолжительности. Они колебались в зависимости от широты местности, от продолжительности светового дня (от восхода до заката — день, от заката до восхода — ночь), следовательно, они зависели и от времени года; зимой дневные стражи были короче, ночные — длиннее, и наоборот» [Цыбульский, 1987, с. 31]. Традиционная трактовка *гэн* как двух часов, видимо, не более чем некая усреднённая условность.

⁴⁰ Выражение «течение времени» тут надо понимать буквально — часы были водяными.

сутки вне зависимости от широты и времени года всегда имеют одинаковую продолжительность, а вот длительность *дянь* и *чоу* колебалась соответственно переменной длительности страж.

Основополагающее правило открытия и закрытия прохода на режимные территории гласило:

Открывают сначала внешние [ворота], потом внутренние, закрывают сначала внутренние [ворота], потом внешние. Ибо главное внимание уделяется запретности [доступа] в середине (*чжун чжунцинь* 重中禁) и благоговению перед местом обитания императора [Тан лю дянь, цз. 8, разд. *Чэнмэньлан*].

Главным передаточным звеном от следящих за временем до исполнителей тех или иных операций по обеспечению режима был, судя по текстам, барабан у центральных ворот Дворцового города — Чэнтяньмэнь (или, как они иногда назывались, — Шуньтяньмэнь). Возможно, таких основных барабанов было два — в «Тан лю дянь» и в одном из общеобязательных установлений упоминается не просто «барабан» или «барабаны», но «рассветный барабан» (*сяогу* 曉鼓); однако скорее всего это просто дань текущей функции: барабан потому «рассветный», что в данный момент возвещает рассвет. Упоминается ещё и колокол, по сигналу которого надо было начинать серию барабанных ударов. То есть следящие за временем подавали барабанщикам сигнал ударом колокола, а те уж оповещали о наступившем дне или, наоборот, ночи всю округу. Во всяком случае, заслышав первую серию ударов барабана у ворот Чэнтяньмэнь, на всех улицах столицы начинали также бить в барабаны. Открытие и закрытие ворот столицы и внутренних столичных кварталов было синхронизировано с открытием и закрытием ворот Императорского города. Ворота Дворцового города и, тем более, внутренние ворота Дворцового комплекса открывались позже городских, а закрывались — раньше.

По окончании первой серии ударов главного барабана (ударов было 400) открывали все городские ворота. Через 1 четверть *кэ* открывали ворота Дворцового города, то есть Чэнтяньмэнь и аналогичные им, а также левые и правые ворота Яньмин и ворота Цяньхуа, расположенные внутри Дворцового города, но ещё за пределами собственно Дворцового комплекса. По окончании второй серии ударов (вечерняя вторая серия насчитывала 600 ударов, о количестве ударов второй утренней серии упоминаний в источниках не обнаружилось) открывали ворота внутреннего дворцового комплекса и самих территорий дворцов.

Вечером, когда до ночного времени оставалось воды на 1 четверть *кэ*, те, кто следил за течением времени, подавали сигнал, по которому у ворот Чэнтяньмэнь били в барабан, возвещая приближение

ночи. По окончании первой серии ударов закрывали ворота Дворцового комплекса и территорий дворцов. По окончании второй серии надлежало закрывать уже ворота Дворцового города, также левые и правые ворота Яньмин и ворота Императорского города. В это же время закрывались все ворота столицы и внутренних городских кварталов. Разъясняющее эти детали общеобязательное установление попало в сборник Нииды Нобору как раз из танского кодекса «Тан люй шу и», сохранившись только в его тексте.

Согласно общеобязательным установлениям о дворцовой гвардии, в третью счётную бирку пятой стражи у ворот Шуньтянь[мэнь] бьют в барабан, [и тогда] людям разрешается передвигаться. По истечении дневного времени у ворот Шуньтянь[мэнь] бьют в барабан 400 раз, а по закрытии [внутренних] ворот снова бьют в барабан 600 раз, ворота всех кварталов закрываются, и [тогда] людям воспрещается передвигаться [Тан люй шу и, ст. 40б; Уголовные установления Тан, 2008, с. 37–38. Ниида Нобору, 1964, с. 363].

Все эти процедуры находились в ведении входивших в штат Привратного надзора (*мэньсяшиэн* 門下省) молодцев при вратах (*чэнмэньлан* 城門郎). Это были чиновники среднего звена, трудяги упорядоченной повседневности. Их должности соответствовал сопровождающий 6-й высший ранг. По штату *чэнмэньланов* полагалось четверо. Они контролировали открытие и закрытие всех ворот столицы, Императорского города, Дворцового города и дворцов, а также, что было самым существенным в осуществлении такого контроля, выдачу и обратную приёмку ключей от всех этих ворот. В непосредственном подчинении *чэнмэньланов* находилось 800 привратников (*мэньпу* 門僕), но это, конечно, были работники, а не стражи.

Ко всем ключам прикреплялись железные бирки в форме рыбы, с выгравированными названиями тех ворот, от которых был данный ключ. При изрядном обилии ворот внутри и вне Дворцового города без таких маркеров, конечно, просто нельзя было обойтись.

Время выдачи и возвращения ключей было строго фиксированным.

Ключи на закрытие ворот Императорского города и Дворцового города выдавались из хранилища перед наступлением времени Петуха (*ю* 酉 — от 5 до 7 часов вечера), а после времени Пса (*сюй* 戌 — от 7 до 9 часов вечера) сдавались назад. Привратникам нельзя было держать их при себе всю ночь, от вечернего закрытия до утреннего открытия. Ключи на открытие ворот выдавались после времени Быка (*чоу* 醜 — от 1 часа до 3 часов ночи) и возвращались в

хранилище по истечении ночного времени [Тан лю дянь, цз. 8, разд. *чэнмэньлан*]. Говоря проще, выдача на закрытие осуществлялась вплотную перед 5 часами пополудни, а возвращение — сразу после 9 часов вечера. Выдача на открытие — сразу после 3 часов пополудни, и возвращение — после 5 часов утра.

В том же «Тан лю дянь» аналогичные процедуры, в том числе осуществляемые и в отношении ворот самой столицы, описаны ещё и несколько в иных выражениях; здесь, возможно, как раз и учтены колебания протяжённости страж в зависимости от времени года, широты и пр., и поэтому вводятся непосредственно такие временные ориентиры, как «заход» или «ночное время»:

Наборы ключей (*яоши* 鑰匙) от ворот Дворцового города и Императорского города ежедневно за 5 четвертей *кэ* до захода солнца (*мэй жи жу цянью у кэ* 每日入前五刻) выдаются для закрытия ворот, во 2-ой *дянь* 1-ой стражи [они] возвращаются обратно. В 1-ый *дянь* 5-ой стражи [они] выдаются для открытия ворот. По истечении ночного времени, во вторую четверть *кэ* после второй [серии] ударов (*ди эр дундун хоу* 第二冬冬後), [эти ключи] возвращаются обратно. Ключи для закрытия ворот столицы после времени Обезьяны (*шэнь* 申) выдаются, перед временем Мыши (*цзы* 子) сдаются назад; ключи для открытия ворот после времени Мыши выдаются, перед временем Зайца (*мао* 卯) сдаются обратно [Там же].

То есть выдача ключей от ворот Дворцового города и Императорского города начиналась приблизительно за 70 наших минут до астрономического захода солнца, а в течение второго подразделения 1-ой стражи (в стандартно усреднённой ситуации — где-то в интервале с 25-ой по 48-ую нашу минуту после захода солнца) их уже требовалось сдать. В течение первого подразделения 5-ой, то есть последней перед восходом солнца стражи (при усреднённых параметрах — после 3 часов ночи и до 3 часов 25 минут), их снова выдавали, уже чтобы ворота вновь оказались вовремя открыты. И вернуть их требовалось, ориентируясь непосредственно на сопряжённую с реальным восходом солнца вторую серию утренних ударов барабана, где-то через четверть нашего часа (приблизительно в интервале с 15-ой по 28-ую нашу минуту) после её окончания. Ключи от городских ворот выдавались после 5 часов вечера для закрытия, и до 11 часов вечера их требовалось вернуть на хранение. Для очередного утреннего открытия ворот их выдавали после 1 часа ночи, и возвращали их на хранение до 5 утра.

Ночной режим требовал повышения бдительности и специальных организационных мер.

При всех учреждениях по четырём сторонам с оружием [в руках располагаются стражники] для охраны. В ночное время по ударам колотушки [стражники] разделяются на стражи для [осуществления] дозорных обходов [Ниида Нобору, 1964, с. 362].

На территориях Дворцового комплекса тем более следовало вводить повышенные меры безопасности.

К тому же, хотя среди дошедших до нас танских общеобязательных установлений подобный текст не был обнаружен, из аналогичных японских законов, которые в большинстве своём копируют танские либо были их близкими производными, мы можем выяснить, что:

Служебные ворота по ночам должны освещаться; там же в больших бочках должна храниться вода [Тайхорё, 1985, с. 8].

Впрочем, те ночные манипуляции с документами, которые предписывают и сами китайские источники, явно подразумевают, что дело происходит при достаточно интенсивном искусственном освещении.

Если в неурочное время поступал приказ открыть или закрыть какие-либо ворота, следовало немедленно направить доклад-запрос в ту инстанцию, от которой поступило странное распоряжение, и попросить повторить его. Лишь по получении подтверждения и составной верительной бирки (*хэфу* 合符), верифицировавшей полномочия того, кто с этим приказом прибыл, ворота открывали или закрывали.

Если же аналогичное распоряжение поступало к привратной страже ворот Дворцового города или какого-либо из дворцов, получившему распоряжение начальнику дежурящей у данных ворот смены полагалось исчерпывающе описать обстоятельства получения такого приказа и его мотивировку, а затем отправить срочным докладом в администрацию Надзора Срединных документов и Привратного надзора (*чжуншю мэнься* 中書門下). В этой экстренной ситуации вся пребывающая на дежурстве высшая администрация оказывалась на ногах. Тот молодой человек при вратах (*чэнмэньлан* 城門郎), что был в данный момент на службе, дежурный командующий (*цзянцзюнь* 將軍) находящейся на часах смены Привратной гвардии, а также молодой человек-командующий (*ланцзян* 郎將), который дежурил в данный момент, совместно подавали доклад на Высочайшее имя с просьбой повторить распоряжение. Если владыка ставил державную отметку *тин* 聽 — «повиноваться», «выполнять», «быть по сему», — привратный начальник получал соответствующую составную бирку и ключ от данных ворот, проверял полномочия передававшего приказ человека с помощью полученной бирки и затем приказывал открыть ворота [Тан лю дянь, цз. 8, разд *чэнмэньлан*].

Данное важнейшее положение с незначительными вариациями повторено в «Тан люй шу и», в статье, устанавливающей наказания за неуставное поведение привратной стражи в этой экстренной ситуации:

Согласно внутриведомственным установлениям привратной стражи, получивший Высочайшее повеление человек (*шоу чи жэнь* 受敕人) исчерпывающе записывает, [почему] необходимо раскрыть ворота и [какие] люди входят или выходят, и [вместе с этой записью] Высочайшее повеление пересылается к сведению (*сюаньсун* 宣送) Надзора Срединных документов (*чжуншуншэнь* 中書省). Надзор Срединных документов пересылает его к сведению Привратного надзора (*мэньсяшэнь* 門下省). Тогда [дежурный ответственный за] все внутренние ворота Дворцового комплекса [мóлодец] при вратах (*гуннэй чжу мэнь чэнмэнь* 宮內諸門城門), [дежурные от] всех гвардий, находящиеся в данный момент на очередном дежурстве (*цзяньчжун* 見直諸衛), а также главнокомандующий Привратной гвардии (*цзяньмэнь да цзянцзюнь* 監門大將軍) [либо] командующий Привратной гвардии (*цзяньмэнь цзянцзюнь* 監門將軍), срединный мóлодец-командующий (*чжунланцзян* 中郎將) [либо] мóлодец-командующий (*ланцзян* 郎將), отбивающий вражки нападения [общена начальствующий пристав] (*чжэчун* 折衝) [либо] непреклонно-смелый [общена начальствующий пристав] (*гои* 果毅) — по одному находящемуся внутри человеку от каждой [инстанции], являются в палаты с докладом, испрашивающим подтверждения распоряжения (*фуцзоу* 覆奏). [По получении] державной отметки о подтверждении (*юй чжу тин* 御注聽) испрашивают составную верительную бирку (*хэфу* 合符) и ключи от ворот. Ответственные чиновники привратной стражи (*цзяньмэнь гуаньсы* 監門官司) первым делом приводят привратный караул (*мэньчжан* 門仗) в состояние строгой [готовности] (*янь* 嚴). Внутри и снаружи от раскрываемых ворот выставляются отряды, зажигаются факелы и производится проверка подлинности составной верительной бирки. Затем раскрывают ворота [Тан люй шу и, ст. 71; Уголовные установления Тан, 1999, с. 316].

Каждую ночь с первой серией ударов барабана все отряды караула (*дуйчжан* 隊仗) надевали луки, стрелы и колчаны, выходили из опорных пунктов охраны (*лу* 鋪) и вставали подле галерей и иных внутренних построек, имея под рукой секиры, натянув луки, подготовив стрелы и зарядив самострелы. После второй серии ударов они брали оружие наизготовку и, судя по всему, так проводили ночь. Караульные отряды (*чжандуй* 仗隊) всех задействованных в данное

время дежурных гвардий производили обходы вверенных каждому из них внутренних территорий.

Каждое утро, когда заканчивалась первая серия ударов барабана, ночные стражники (*чигэн* 持更) снимали с себя оружие и доспехи, лучники ослабляли луки, прибирали стрелы и складывали самострелы внутри опорных пунктов, а отряды стражи, которым полагалось днём стоять у ворот (*лимэньдуй* 立門隊), и дневные караулы занимали свои места у галерей, лестниц и в других ключевых местах внутренней территории. После второй серии ударов опорные пункты закрывались [Синь Тан шу, 1975, с. 482–483].

Ночью, таким образом, пройти через запертые ворота можно только по получении экстренных распоряжений с самого верха, и первым необходимым условием такого прохода было, собственно говоря, открытие ворот в неурочное время, что само по себе было чрезвычайным событием. Но и днём проход через отпертые ворота Дворцового города не был свободным, а разрешался только по документам, которые удостоверяли служебную необходимость перемещения на режимную территорию или из одного сектора охраняемой территории в другой.

Этими документами ведал пропускной отдел (*сымэнь* 司門) Судебной части (*синбу* 刑部), а непосредственная задача охраны режима ворот и проверки документов возлагалась на стражников Привратной гвардии⁴¹.

Насколько можно понять лаконичные и не всегда однозначно согласующиеся тексты «Синь Тан шу» и «Тан лю дянь», бюрократическая процедура была примерно такова. Все учреждения, сотрудники

⁴¹ «Срединный мóлодец (*ланчжун* 郎中) и приданный мóлодец (*юаньвайлан* 員外郎) пропускного отдела <...> ведают списками на вход и выход через ворота и заставы» (*сымэнь ланчжун юаньвайлан* <...> *чжан мэнь гуань чу жу чжи цзи* 司門郎中員外郎 <...> 掌門關出入之籍) [Синь Тан шу, 1975, с. 1200]. «Верховный главнокомандующий, главнокомандующий и двое командующих [левой и правой Привратными гвардиями] ведают охраной всех ворот, [свободный проход через которые] запрещён, и привратными списками» (*шанцзянцзюнь... дацзянцзюнь... цзянцзюнь кэ эр жэнь чжан чжу мэнь цзиньвэй цзи мэньцзи* 上將軍...大將軍...將軍各二人掌諸門禁衛及門籍) [Там же, с. 1286]. «Те, кто занимает должности главнокомандующих и командующих левой и правой Привратных гвардий, ведают [соблюдением] законности [в отношении] охраны всех ворот, [свободный проход через которые] запрещён, и привратных списков» (*цзо ю цзяньмэньвэй дацзянцзюнь цзянцзюнь чжи чжи чжан чжу мэнь цзиньвэй мэньцзи чжи фа* 左右監門衛大將軍將軍之職掌諸門禁衛門籍之法) [Тан лю дянь, цз. 25, разд. *Цзо ю цзяньмэнь вэй*].

которых работали на режимных территориях, раз в месяц отправляли в пропускной отдел списки (*цзи* 籍) этих сотрудников. Относительно чиновников основного штата (*люнэй* 流内), начиная с 9-го ранга и выше, надлежало указывать их должности, титулы знатности, фамилии и имена. Относительно служащих вспомогательного штата (*лювай* 流外) и низового персонала, например, строителей или грузчиков, указывали возраст и внешний вид; тогда при проверке документов действовал, говоря современным языком, единственно фэйс-контроль. Дубликаты этих документов направлялись руководству Привратной гвардии. Не очень понятно, сами заинтересованные учреждения делали это, либо уже пропускной отдел пересылал полученные списки дальше по инстанциям. Более того, не получается сказать определённо, были ли эти списки *цзи* теми самыми привратными списками *мэньцзи* 門籍, на основании которых должностные лица тех или иных ворот пропускали сотрудников, или привратные списки лишь формировались для каждого конкретного ворот вышестоящими инстанциями на основании поданных им списков *цзи*. В привратных списках, помимо прочего, указывались и конкретные ворота, через которые надлежало входить данному лицу; выбор зависел, очевидно, от статуса входящего, от задач, которые перед ним стояли и, не в последнюю очередь, от того, ближе к каким именно воротам располагались место назначения входящего, учреждение, где он служил, или объект работ, к которым он следовал. Надо полагать, сообразуясь именно с этим критерием начальство гвардии рассылало соответствующие части списков *цзи* должностным лицам и охране конкретных ворот, и на этом этапе они превращались в привратные списки *мэньцзи*. Проход через ворота разрешался только лицам, имеющимся в списке, и только после сличения данных документов с личным удостоверением чиновника или приметам работника.

Относительно всех, кого призывали ко двору по особым случаям, и кого, соответственно, не могло быть в регулярных списках, издавалось отдельное Высочайшее распоряжение, неотъемлемой частью которого, по всей видимости, была пересылаемая вызываемому лицу часть верительной бирки или дщицы, и вход разрешался только по предъявлении этого документа и сличении верительных знаков⁴².

⁴² Во всяком случае, в «Синь Тан шу» прямо указано: «Всякий раз, когда кого-то призывают, вниз спускается письменное Высочайшее распоряжение. Сличают бронзовую бирку или деревянную дщицу и только после этого [разрешают] войти» (*фань ю чжаочжэ цзян мочи кань туньюй муци жань-хоу жу* 凡有召者降墨敕勘銅魚木契然後入) [Синь Тан шу, 1975, с. 1200]. Такую бирку или дщицу вызываемому неоткуда было получить, кроме как с нарочным, с которым был прислан Высочайший вызов.

Когда ко двору на приём прибывали кто-либо из именитых дам (*минфу* 命婦), в число которых, нелишне напомнить, входили и все императорские тётки, сёстры и дочери⁴³, а также иных родственников императора (*чжу цинь* 諸親), управитель Надзора Внутреннего служения и дежурный начальствующий пристав Привратной гвардии (*нэйшицзянь сяовэй* 內侍監校尉) их проверяли и обыскивали (*лисо* 泣索). Правда, прямо не сказано, что это делалось сразу при воротах, ведущих в Дворцовый город, но то, что эта информация включена в перечень функций пропускного отдела, уже само по себе показательно. В конце концов, на огороженные стенами территории всех жилых дворцов тоже вели отдельные ворота.

Всякий раз, когда извне прибывал некий доклад о делах, следовало прямо у ворот зафиксировать время его поступления: днём — час поступления с точностью до 1 четверти (*шикэ* 時刻), ночью — стражу с точностью до пятой части стражи, *дяня*, обозначенного номером бирки (*гэнчоу* 更籌). Для дальнейшего перемещения полученного документа по внутренней территории отряжался специальный сопровождающий [Синь Тан шу, 1975, с. 1200].

Если вход или выход были групповыми (скажем, проводилась коллективная аудиенция, прибыла бригада мастеров для строительства или ремонта, поступил крупный груз из многочисленных вещей или инструментов), все идущие ко двору чиновники всё равно обязаны были в индивидуальном порядке предъявлять личные удостоверения, а в прочих ситуациях на всех людей и на все составляющие груза должна была иметься документация, направленная привратным властям со стороны затребовавшего мастеров или пополнение запасов дворцового ведомства. Людей и предметы необходимо было, помимо прочего, пересчитать и удостовериться в соответствии реального количества тому, что было зафиксировано в документе. Аналогичное правило, естественно, следовало соблюдать и при выходе (выносе) с режимной территории. *Цзянцзюнь* левой Привратной гвардии, как уже упоминалось, ведал входом, *цзянцзюнь* правой Привратной гвардии — выходом [Синь Тан шу, 1975, с. 1286]. И вообще: «Всегда в левые ворота Дворцового города, [территорий] дворцов и городские ворота входят, а в правые — выходят» (*фань гун дяньмэнь цзи чэнмэнь цзе цзо жу ю чу* 凡宮殿門及城門皆左入右出) [Тан лю дянь, цз. 25, разд. *Цзо ю цзяньмэньвэй*].

Эти многочисленные нормы дополняет немаловажное общеобязательное установление, сохранившееся опять-таки благодаря тому, что его процитировали в «Тан люй шу и»:

⁴³ Подробнее см.: [Рыбаков, 2009, с. 111–115].

Если кому-либо [вследствие отъезда] к прежнему месту жительства, или отправки посланцем, или отпуска по болезни, или окончания дежурства, или несчастного случая [полагается покинуть Дворцовый комплекс], согласно общеобязательным установлениям он в тот же день исключается из привратных списков [Тан люй шу и, ст. 68; Уголовные установления Тан, 1999, с. 313]⁴⁴.

Аудиенции

Получается, в дни регулярных коллективных аудиенций (*чао-цань* 朝參) поток государственных служащих, следующих к месту пребывания владыки, а потом оттуда к своим рабочим местам, не мог не оказываться весьма впечатляющим.

Аудиенций же самого разного рода было, судя по всему, много. Если верить источникам, едва ли не каждый день владыки начинался со встречи с тем или иным количеством подданных и, хотя сколько времени занимали эти торжественные «летучки» или «планёрки», не упоминается, уже сам по себе факт и ритм подобных мероприятий говорят о том, что управление Поднебесной было отнюдь не синекурой.

Ежедневно поутру пред очами Сына Неба должны были предстать следующие группы лиц:

1. Все гражданские столичные чиновники 5-го ранга и выше.
2. Входящие в свиту непосредственного служения (*гунфэн* 供奉) чиновники Привратного надзора (*мэньсяшэнь* 門下省) и Надзора Срединных документов (*чжуншюшэнь* 中書省).
3. Расследующие державные наблюдатели, или, если придерживаться традиционной терминологии, разъездные цензоры, инспектора Цензората (*цзяньча юйши* 監察御史).

⁴⁴ Ниидо Нобору, включивший данный отрывок в свой сборник сохранившихся общеобязательных установлений, заменил первый пункт причин исключения из списков, по-китайски сформулированный как *гучжю* 故住 — тот, что я понял как «отъезд к прежнему месту жительства» — на *гайжэнь* 改任, что может значить только «перемену места службы» [Ниидо Нобору, 1964, с. 359]. Существовал аналогичный японский закон, где сказано: «Если [у чиновника] меняется место службы...» [Тайхорё, 1985, с. 7]. В современном китайском исследовании, где цитируется текст «Тан люй шу и», в соответствующей фразе первым пунктом причин также стоит *гайжэнь* 改任. Очевидно, в том издании кодекса, которым пользовался я, текст некорректен или восходит к иному старому изданию; в некоторых версиях кодекса действительно в этом месте истари стоит 改任. Впрочем, на самом деле обе ситуации вполне могли дополнять друг друга и существовать в перечне причин для исключения из списков одновременно, параллельно.

4. Заместители начальников всех отделов всех шести частей Правительствующего надзора (*шанишуньшэн юаньвайлан* 尚書省員外郎); их выделили в отдельный пункт перечня, поскольку их непосредственные начальники, главы отделов (*ланчжун* 郎中), имели, как правило, 5-й ранг и, следовательно, охватывались первым же пунктом.

5. Знатоки ритуала Приказа Великого постоянства (*тайчан боши* 太常博士).

6. Князя (*чжу ван* 諸王).

7. Некие «милостиво приглашённые» (*энь чжуйжи чжэ* 恩追至者), то есть, видимо, те, кто за какие-то заслуги или в силу каких-то иных причин был по случаю приглашён на аудиенцию персонально, на иррегулярной основе [Синь Тан шу, 1975, с. 1236].

Разумеется, относительно некоторых групп в скобках надо было бы добавить: те из означенных лиц, кто в данное время находится в столице. Например, некоторые из расследующих державных наблюдателей (по штату их полагалось 15 человек), в чей круг обязанностей входило, в частности, осуществление инспекционных и следовательских поездок по округам и уездам, вполне могли некоторое время отсутствовать. Но специальная оговорка такого рода сделана в «Синь Тан шу» только применительно к князьям: *чжу ван жу чао* 諸王入朝, то есть «все князья, прибывшие ко двору».

На термине *гунфэн*, фигурирующем во втором пункте перечня, следует остановиться несколько подробнее.

Этот термин обычно понимается чисто описательно. Недаром, например, словарь Ошанина даёт для него такие эквиваленты, как «придворный чиновник для личных услуг государю, прислужник знатного лица» [БКРС, т. 4, с. 633]. Но по крайней мере в некоторых контекстах он обозначал совершенно определённый круг служащих, исполнявших притом совершенно разнородные обязанности, сходные лишь в одном: их исполнение могло понадобиться государю в любой момент, и, следовательно, лица, которые их исполняли, должны были постоянно находиться поблизости от императора, в шаговой доступности, под рукой.

«Тан лю дян» даёт точный перечень служащих, входивших в категорию *гунфэн*.

◆ Срединные служители (*шичжун* 侍中), то есть главы Привратного надзора;

◆ начальники над срединными документами (*чжуншунлинь* 中書令), то есть главы Надзора Срединных документов;

◆ левые и правые (то есть из Привратного надзора и из Надзора Срединных документов) неперменные служители, «не обременённые конкретными обязанностями» (*саньци чаниши* 散騎常侍);

◆ молодые-служители при жёлтых вратах (*хуанмэнь шилян* 黃門侍郎), они же привратные молодые-служители (*мэнься шилян* 門下侍郎), то есть непосредственные помощники *шичжунов*.

◆ молодые-служители Надзора Срединных документов (*чжуншиу шилян* 中書侍郎), то есть непосредственные помощники *чжуншиулинов*;

◆ левые и правые (то есть из Привратного надзора и Надзора Срединных документов) великие мужи-увещеватели (*цзяньи дафу* 諫議大夫);

◆ срединные податели дел (*цзишичжун* 給事中) Привратного надзора;

◆ домочадцы при срединных документах (*чжуншиу шэжэнь* 中書舍人) Надзора Срединных документов;

◆ молодые при повседневности (*цицзюйлан* 起居郎), то есть подневные регистраторы Привратного надзора;

◆ домочадцы при повседневности (*цицзюй шэжэнь* 起居舍人), то есть подневные регистраторы Надзора Срединных документов;

◆ домочадцы по препровождению (*тунши шэжэнь* 通事舍人) Надзора Срединных документов;

◆ левые и правые (то есть из Привратного надзора и из Надзора Срединных документов) восполнители упущенного (*буцюэ* 補闕);

◆ левые и правые (то есть из Привратного надзора и из Надзора Срединных документов) подбиратели оброненного (*шии* 拾遺);

◆ Великий муж державного наблюдения (*юйши дафу* 御史大夫), то есть глава Цензората;

◆ срединные помощники державного наблюдения (*юйши чжунчэн* 御史中丞), то есть непосредственные помощники *юйши дафу*;

◆ державные наблюдатели-служители (*шиюйши* 侍御史), то есть цензоры центрального аппарата;

◆ внутриворцовые державные наблюдатели-служители (*дяньчжун шиюйши* 殿中侍御史), то есть цензоры дворцового аппарата [Ган лю дянь, цз. 2, разд. *Либу ланчжун*].

Этот перечень охватывает чиновников весьма различных рангов — от основного 2-го у глав Привратного надзора до сопровождающего 7-ого низшего у внутриворцовых наблюдателей-служителей. Но функциональные цепочки, представленные этими весьма разнородными чиновниками, были весьма немногочисленны. Это, во-первых, работа с документами, исходящими от императора или поступающими к нему, от мелкой стилистической и иероглифической правки до обсуждения затронутых в документе принципиальных вопросов (если документ шёл снизу к императору) или в обратной очередности (если документ создавался императором или по его инициативе и затем доводился до совершенства). Во-вторых, это политические советники разных уровней. В-третьих, это служба собственной безопасности центрального аппарата и в придачу, говоря современным языком, прокурорский надзор.

Понятно, почему эти служащие должны были постоянно быть поблизости от императора. Они могли понадобиться ему в любой момент. А лица, составлявшие четвёртую категорию — подневные регистраторы, хронисты текущих слов и дел владыки, — просто обязаны были находиться близ него, чтобы ничего не упустить для истории.

Ни о каких личных услугах государю тут и речи нет. Чиновники группы *гунфэн* выполняли важнейшие перманентные функции государственного значения. Поэтому, при всей трудности и порой искусственности, даже вычурности попыток более или менее буквального перевода китайских терминов, я всё же предпочитаю передавать термин *гунфэн* как свита непосредственного служения. Причём — именно служения, а не обслуживания; обслуживали императора те, кто носил ему еду, подушки и зонты, кто выводил для него коней и так далее.

Все чиновники, обязанные являться к императору ежедневно, назывались «чиновниками, постоянно участвующими» в аудиенциях (*чанцань гуань* 常參官).

Раз в 3 дня к императору обязаны были являться:

1. Военные столичные чиновники 3-го ранга и выше.

Их называли «девятижды участвующими чиновниками» (*цзюцань гуань* 九參官) — видимо, потому, что они, являясь ко двору через два дня на третий, на протяжении одного лунного месяца успевали побывать пред ликом владыки девять раз.

Раз в 5 дней ко двору обязаны были являться:

1. Военные столичные чиновники 5-го ранга и выше.

2. Главы тех территориальных дружин ополчения (*чжэ-чун дувэй* 折衝都尉), очередными сменами которых в данное время были укомплектованы столичные гвардии.

Соответственно их называли «шестижды участвующими чиновниками» (*лю цань гуань* 六參官).

В дни новолуний и полнолуний, ввиду огромной важности этих событий, пред очи императора представляли:

1. Все гражданские и военные столичные чиновники, имеющие служебные должности (*чжишигуань* 職事官) 9-го ранга и выше, то есть вообще все работники основного штата (*люнэй* 流內), служащие в столице и в данный момент находящиеся в ней.

2. Потомки по мужской линии двух предшествовавших Тан династий, так называемые *эр ванхоу* 二王後. В «Тан люй шу и» говорится: «Потомки дома Северного Чжоу⁴⁵ носят титул *гунов* Цзе, а потомки дома Суй⁴⁶ носят титул *гунов* Си. И те и другие рассматриваются как гости государства» [Тан люй шу и, ст. 7; Уголовные установления Тан установления Тан, 1999, с. 103].

Наконец, раз в сезон (*сы ши цань* 四時參) император принимал:

1. Всех учащихся высших государственных учебных заведений: Института Распространения словесности (*хунвэньгуань* 弘文館), Института Поклонения словесности (*чунвэньгуань* 崇文館) и Управления Княжественных сыновей (*гоцзыцзянь* 國子監)⁴⁷.

Относительно мест проведения церемоний в «Тан лю дьянь», например, говорится:

Всякое большое построение (*да чэньшэ* 大陳設) в первый день Нового года [происходило] во дворце Тайцзидянь. Ныне, [если приём происходит] в Дамингуне, то во дворце Ханьюаньдянь, а если в [другой] столице (*ду* 都) (т.е. в Лояне. — В.Р.), то во дворце Цяньюаньдянь (乾元殿) [Тан лю дьянь, цз. 4, разд. *Либу ланчжун*].

Почётный караул

Все дворцовые мероприятия по понятным причинам обставлялись с максимально возможной торжественностью, а одним из основных средств обеспечения подобной торжественности были почётные караулы. Они не подменяли, но лишь дополняли собой регулярную охрану и служили не столько целям безопасности, сколько красоте и благочинию.

Им посвящён в «Синь Тан шу» целый раздел, называемый «И вэй» (儀衛), что можно понять как «Церемониальная стража», или

⁴⁵ 557–581 гг.

⁴⁶ 581–618 гг.

⁴⁷ Дополнительно о приёмах у императора см.: [Рыбаков, 2009, с. 165].

«Церемониальный караул и гвардейская стража». С самого начала, ещё до перехода к описанию конкретики, в разделе поясняется:

Место, где Сын Неба постоянно обитал (*цзюй* 居), называлось резиденцией (*я* 衙), а где передвигался (*син* 行) — выездом (*цзя* 駕). И там, и там имелись охрана и осуществлялись меры строгой [предосторожности] (*ю вэй ю янь* 有衛有嚴). <...> Вокруг повелителя непременно были опахала, [когда он] выходил или входил, звонил колокол, при дворе были установлены музыкальные инструменты (*тин шэ юэжун* 庭設樂宮), в дороге [повелителя] сопровождал почётный эскорт и оркестр (*лубу гучуй* 鹵簿鼓吹). Чиновники, ответственные за церемонии (*лигуань байсы* 禮官百司), непременно заранее готовили всё необходимое, а уж потом действовали, так что им необходимо было быть предусмотрительными (*шэньчжун* 慎重). Из предусмотрительности возникало строгое величие (*цзуньянь* 尊嚴), из строгого величия — почтение (*сугун* 肅恭). Так что церемониальная стража (*ивэй* 儀衛) возвеличивала правителя и внушала почтение подданным, её звучание и вид (*шэнжун* 聲容) были прекрасны [Синь Тан шу, 1975, с. 481].

Резиденция

Почётный караул, если верить «Синь Тан шу», выстраивали при каждой дворцовой аудиенции. Кроме того, судя по лаконичному упоминанию, караулы (*чжан* 仗) вдобавок к регулярной охране выставлялись снаружи и внутри у всех ворот при солнечных затмениях, пыльных бурях и сильных туманах. Структура построения была весьма сложной.

При всяком придворном собрании (*чаохуй* 朝會) дежурная охрана посменно поставлялась тремя видами стражи (*саньвэй* 三衛). Каждая дежурная смена, в свою очередь, состояла из военнослужащих пяти почётных караулов (*у чжан* 五仗).

Первый из них назывался караулом непосредственного служения, (*гунфэнчжан* 供奉仗), его набирали излевой и Правой гвардий. Второй назывался ближним караулом (*цинчжан* 親仗), его набирали из ближних стражей (*цинвэй* 親衛). Третий, заслуженный караул (*сюньчжан* 勳仗), набирали из заслуженных стражей (*сюньвэй* 勳衛). Четвёртый — оберегающий караул (*ичжан* 翊仗), его набирали из оберегающих стражей (*ивэй* 翊衛). Пятый, так называемый свободнорукий караул (*саньшоучжан* 散手仗), комплектовался смешанным образом, из ближних, заслуженных и оберегающих стражей; его странноватое название, по-видимому, и объясняется тем, что он не находился под какой-то определённой «рукой». Как сводная тактиче-

ская единица во время дежурства он пребывал, конечно, под неким единым командованием, но организационно не был единым.

О стражах всех караулов сказано:

Все носили мечи, держали парадное оружие и чинно сидели рядами (*лецзо* 列坐) подле восточных и западных галерей (*лан ся* 廊下) [Синь Тан шу, 1975, с. 481–482].

Далее уточняется:

Каждый месяц расставляли 46 человек снаружи внутренних галерей и палат (*лан гэ* 廊閣), это называлось внутренним почётным караулом (*нэйчжан* 內仗) [Синь Тан шу, 1975, с. 482].

Судя по всему, все отряды караула и стражи находились под сложным, смешанным командованием и многоступенчатым контролем, что можно однозначно интерпретировать как изначально заложенное в уставы стремление не допустить никаких самовластных индивидуальных действий офицеров.

Командующие левой и правой Гвардий Птицы счастья (*цзинь* 金吾) отвечали (*дан* 當) за дежурящую [смену], срединные молодцы-командующие (*чжунланцзян* 中郎將) присматривали (*я* 押) за ней, были чины, смотрящие [за службой] (*ягуань* 押官), были чины, ведающие отрядами почётного караула (*чжи дуйчжан гуань* 知隊仗官) [Там же].

Несколько раз отдельных упоминаний удостоились служащие, называемые *иньцзя* 引駕. Буквально название этой должности можно понять как «ведущие выезд», «идушие или едушие впереди государственной колесницы». Согласно «Большому словарю китайского языка», это буддийский термин, обозначавший придворную должность, которую должен был занимать буддийский монах (*сэнчжи* 僧職), причём действительно функции его заключались в том, чтобы «вести за собой», «показывать дорогу» (*иньдао* 引導) колеснице или всему выезду Сына Неба; впрочем, скорее всего, не лично, а лишь организационно⁴⁸. Но в тексте данного раздела «Синь Тан шу» этих ведущих выезд явно оказывается много больше — возможно, таким собирательным термином охватывались и все те подчинённые буддийского бонзы, что исполняли те «дела» (*ши* 事), которыми он «распоряжался» (*чжу* 主).

В тронном зале (*чаотан* 朝堂) расставляли 60 человек левых и правых ведущих выезд (*иньцзя* 引駕) и [служащих] трёх

⁴⁸ В тексте сказано *чжу иньдао тяньцзы цзюйцзя чжи ши* 主引導天子車駕之事, то есть «распоряжался делами указания дороги выезду Сына Неба» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 3, с. 1406].

страж (*сань вэй* 三衛), их набирали излевой и Правой гвардий (*цзо ю вэй* 左右衛) и из трёх страж (*сань вэй* 三衛), старших возрастом, твёрдых и прямых, способных разоблачать злоупотребления (*чжан цянчжи нэн цзюхэ* 長彊直能糾劾). Они подразделялись на 5 смен. <...> У каждой смены был свой командир (*чжушуй* 主帥) [Синь Тан шу, 1975, с. 482].

И далее — снова акцент на многоуровневом командовании, по-хоже, полно, как модно выражаться ныне, сдержек и противовесов.

В день заседания (*цзо жи* 坐日) ведущие выезд поднимались к дворцу (*шэн дянь* 升殿). По одному главнокомандующему (*да цянцзюнь* 大將軍) [левой и правой] гвардии Птицы счастья присматривали за ними, это называлось «чины, присматривающие за ведущими выезд» (*я иньцзя гуань* 押引駕官). Один срединный молодец-командующий (*чжунланцзян* 中郎將) и один молодец-командующий (*ланцзян* 郎將) надзирали за делами ведущих выезд (*цзяньцзяо иньцзя ши* 檢校引駕事). <...> Держа в руках державные церемониальные мечи (*чжи юйдао* 執御刀), а также лук и стрелы, все поднимались во дворец и строились слева и справа от места державного сидения (*ле юй цзо* 列御座) [Там же].

Перечислениям наименований и подробностей, связанных с проведением важнейших для государственных дел и тщательно разработанных лучшими умами империи церемоний, буквально нет конца.

У всех внутренних и внешних ворот при дорогах расставляли людей, носящих мечи и держащих оружие, это называлось стоящим при воротах почётным караулом (*лимэньчжан* 立門仗). Левый и правый привратные почётные караулы (*мэньчжан* 門仗) у [ворот] Сюаньчжэн и внутренний почётный караул (*нэйчжан* 內仗) подразделялись на 3 смены и расставлялись [по своим местам], это называлось посменным почётным караулом (*цзяофаньчжан* 交番仗). Во всех стражах были блюдуший ворота отряд (*цзямэньдуй* 挾門隊) и отряд длинных копий (*чанцяндуи* 長槍隊). Внутри за воротами Чэнтяньмэнь блюли ворота и строились рядами (*чжусуле* 佇列) подле восточных и западных галерей Левая и Правая гвардия (*цзо ю вэй* 左右尉), снаружи блюли ворота и строились рядами подле восточных и западных галерей левая и правая Доблестные гвардии (*сяовэй* 驍衛). Внутри за воротами Чанлэмэнь и Юньаньмэнь блюли ворота и строились рядами подле восточных и западных галерей левая и правая Величаво-грозные гвардии (*вэйвэй* 威衛), снаружи блюли ворота и строились рядами подле восточных и западных

галерей левая и правая Водительствующие армиями гвардии (*линцзюньвэй* 領軍衛). Внутри за воротами Цзядэмэнь блюли ворота и строились рядами подле восточных и западных галерей левая и правая Воинственные гвардии (*увэй* 武衛). Если Высочайший выезд покидал Императорский город, все блюдущие ворота отряды следовали за ним <...> [Там же].

Ещё более пышными и массовыми построениями почётных караулов отличались дни больших придворных собраний (*да чаохуй* 大朝會). В качестве таковых «Синь Тан шу» называет праздники по случаям Нового года, зимнего солнцестояния, торжественных приёмов приезжавших к танскому двору иностранных правителей. Подле самого дворца, в котором планировался приём, строились караул непосредственного служения (*гунфэнчжан* 供奉仗) и свободнорукий караул (*саньшоучжан* 散手仗). Перед дворцом расставлялись имперские регалии: рамы с подвешенными на них музыкальными колоколами и гонгами, пять основных экипажей императора (*лу* 路)⁴⁹, пять запасных экипажей императора (*фулу* 副路), колесницы свиты, паланкины и ручные повозки, а также, как не забывает педантично отметить «Синь Тан шу», 156 опахал (*иань* 扇), которые каким-то образом держали ни много ни мало, а почему-то 300 выстроившихся вдоль боковых, восточного и западного, крыльев дворца (*сян* 廂) военнослужащих, принадлежавших к Трём стражам (*сань вэй* 三衛).

Общим местом в этих описаниях опять-таки является то, что все караулы, во-первых, явно составлялись из различных войсковых формирований, и во-вторых, имели смешанное командование.

Ну, скажем:

Караулы жёлтых хоругвей⁵⁰ (*хуанхуйчжан* 黃麾仗) при левом и правом боковых крыльях состояли каждый из 12 подразделений (*бу* 部), 12 шеренг (*хан* 行). Первая шеренга — двузубые алебарды на длинной рукояти (*чанцзи* 長戟), одеяние [украшено] перьями шести цветов: у [бойцов] Водительствующей армиями гвардии (*линцзюньвэй* 領軍衛) — красные, у [бойцов] Величаво-грозной гвардии (*вэйвэй* 威衛) — лазоревые (*цин* 青) и чёрные, у [бойцов] Воинственной гвардии (*увэй* 武衛) —

⁴⁹ Конкретно это были: украшенный яшмой экипаж (*юйлу* 玉路), золочёный экипаж (*цзиньлу* 金路), экипаж, украшенный слоновой костью (*сянлу* 象路), кожаный экипаж (*гэлу* 革路), называемый так потому, что не имел украшений и был просто обшит кожей, применялся он лишь для поездок в военное время или посещений уделов знати, и деревянный экипаж (*мулу* 木路), тоже не имевший украшений и лишь покрытый лаком.

⁵⁰ «Хоругвь... В старину: войсковое знамя» [Ожегов, 1981, с. 772].

перья пекинских уток, у [бойцов] Доблестной гвардии (*сяовэй* 驍衛) — белые, улевой и Правой гвардий (*цзо ю вэй* 左右尉) — жёлтые <...> [Синь Тан шу, 1975, с. 483].

Построения были настолько грандиозны, что перечислить все детали предписаний просто невозможно. Скажем, был отряд красной птицы (*чжуцзюэдуи* 朱雀隊) из 40 человек, причём 20 из них — с длинными боевыми секирами, 4 с самострелами, 16 — с луками и стрелами, возглавлял их отбивающий вражьи нападения общеначальствующий пристав (*чжэчун дувэй* 折衝都尉) из гвардии Птицы счастья (*цзиньувэй* 金吾衛). Или отряд чёрного воина (*сюаньбудуй* 玄武隊) из 50 человек, также во главе с общеначальствующим приставом из гвардии Птицы счастья. Словом, в торжественных построениях так или иначе принимали участие попеременно одни с другими практически все гвардейские формирования и отряды телохранителей.

В день аудиенции в главном зале дворца, в котором намечалось мероприятие, устанавливали затронный экран с изображением секиры (*фуи* 黼宸), расстилали циновки для того, чтобы приглушить звуки шагов, приносили жаровни для курений и обогрева, отдельный столик под курильницу для благовоний.

Церемония начиналась рано. Гражданские и военные чиновники, которым полагалось предстать пред очами владыки, загодя группировались по отдельности у привратных башен; в тексте этого прямо не сказано, но, вероятно, имеются в виду ворота Даньфэнмэнь — главные входные ворота Дворцового комплекса Дамингун⁵¹. Двое расследующих державных наблюдателей (*цзяньча юйши* 監察御史) занимали места у восточной и западной ведущих в тронный зал кирпичных дорог (*дун си чаотан чжуаньдао* 東西朝堂磚道), чтобы затем проверять входящих. На рассвете, когда прекращались удары утреннего барабана и ворота открывались, державные наблюдатели приглашали собравшихся входить, а двое офицеров Привратной гвардии (*цзяньмэнь сяовэй* 監門校尉), под присмотром этих наблюдателей, держа в руках привратные списки (*мэньцзи* 門籍)⁵², производили перекличку. О том, кто откликнулся, возглашали:

⁵¹ В дальнейшем в тексте упоминаются дворцы и внутренние ворота именно Дамингуна, а не старого Дворцового города, поэтому, очевидно, речь идёт именно о новой резиденции.

⁵² Н.П. Свистунова, комментируя термин *мэньцзи* в связи с переводом статей об охране дворца из уголовного кодекса династии Мин, отмечает: «Согласно китайским словарям, эти списки содержали фамилии, имена, место проживания и другие сведения и вывешивались на дворцовых воротах, удостоверяя наличие у конкретного человека права прохода через них»

«Присутствует» (*цзай* 在)⁵³; может быть, правда, это должен был сказать о себе сам выкликаемый, услышав своё имя.

«Синь Тан шу» заботливо поясняет:

Когда входящие заканчивались, [переключку] прекращали. У следующих ворот [действовали] так же (*цы мэнъ и жу чжи* 次門以如之) [Синь Тан шу, 1975, с. 488].

В конце концов удостоенные чести появиться на аудиенции группировались к югу от ворот Тунцяньмэнъ (通乾門) и Гуаньсянмэнъ (觀象門); они были расположены по сторонам первого большого осевого дворца комплекса Дамингун — Ханьюаньдянь, в стене, разделявшей внешние и внутренние территории комплекса; к северу от этих ворот находилась уже территория перед стеной ворот Чжэнсюаньмэнъ. Вот за ними, во дворце Чжэнсюаньдянь, и происходила основная церемония.

Гражданские чиновники входили на внутренние территории комплекса через восточные ворота, военные — через западные. По достижении ворот палат (*гэмэнъ* 閣門) действовал тот же принцип (очевидно, имеются в виду восточная и западная палаты, расположенные по сторонам дворца). Стоявшие по сторонам ведущих ко дворцу ступеней 10 гвардейских офицеров среднего звена, а именно — начальствующих приставов (*сяовэй* 校尉), совместно производили очередную и, похоже, на этот раз уже последнюю переключку.

Для высшего руководства империи всё было расписано и предписано не менее точно и конкретно, чем для бойцов стражи.

Правительствующие сподвижники (*цзайсян* 宰相), то есть главы исполнительной власти, первые лица администрации, а за ними — служащие двух главных *шэнов* (*лян шэн* 兩省), то есть Привратного надзора и Надзора Срединных документов, группировались друг напротив друга перед столом для курильницы благовоний (*дуйбань юй сяньбань цянъ* 對班於香案前). Остальные чиновники выстраивались по сторонам ступеней, ведущих во дворец. Здесь тоже существовал строгий ранжир: отдельной группой в первом ряду стояли те, кто

[Законы Великой династии Мин, 2012, с. 239]. В данном случае, однако, в тексте сказано, сколько я понимаю, однозначно: *чжи мэнъцзи* 執門籍, то есть «держали поимённые списки в руках». Возможно, конечно, что списки ежедневно идущих на службу сотрудников, ввиду именно этой ежедневности, могли и впрямь закреплять прямо на воротах, чтобы не возиться с ними из раза в раз, а вот списки идущих на аудиенцию, поскольку состав присутствующих на различных аудиенциях был различным, чередовались и смысла демонстрировать их на постоянной основе не было.

⁵³ Так и тянет перевести этот короткий возглас нашим родным «Здесь!».

служил в должностях 1-го ранга, за ними — 2-го, 3-го, 4-го и 5-го. Внутри группы одного и того же ранга впереди стояли те, у кого титул знатности был выше. Если совпадали и ранг, и титул, впереди надлежало вставать тем, кто старше возрастом. Всякую ранговую группу возглавлял чиновник главного исполнительного органа империи, Правительствующего надзора (*шаншуйшэн* 尚書省) — надо думать, в ранге, соответствующем рангу данной группы. В определённом порядке занимали положенные места чиновники менее значительные. Следующую большую отдельную группу, рангом пониже, составляли чиновники штата наследника престола и, затем, князей крови.

Когда расстановка явившихся на приём была завершена, срединный служитель (*шичжун* 侍中), то есть глава Привратного надзора (*мэньсяшэн* 門下省), лаконично докладывал (*цзоу* 奏): «Вайбань». Кому докладывал — не сказано, но дух текста, видимо, может подразумевать лишь единственную инстанцию, к которой один из высших чинов страны мог обращаться с докладом⁵⁴.

Это очень любопытная формулировка. Если пытаться передать смысл выражения *вайбань* 外辦 более или менее буквально, получится что-то вроде «внешнее улажено», «снаружи всё в порядке». Однако не всё так просто.

В «Синь Тан шу» в жизнеописании императора Су-цзуна (756–763) тот же бином встречается в следующем контексте:

Наследник престола Ин заболел и скончался. На следующий год назначили [нового] наследника. Среди должностных лиц, проводящих церемонию возведения в звание, ритуалом [предусматривались] *чжунъянь* и *вайбань*, их одеяния были тёмно-красными (*ю сы син цэли ци и ю чжунъянь вайбань ци фу цзянша* 有司行冊禮其儀有中嚴外辦其服絳紗). <...> Наследник сказал: «Такое [соответствует] церемонии, [проводимой] Сыном Неба». И тогда спустили [повеление] высшим сановникам это обсудить (*най ся гун цин и* 乃下公卿議). Великий наставник (*тайши* 太師) Сяо Сун и левый помогающий сподвижник (*чэнсян* 丞相) Пай Яоцин попросили переименовать *вайбань* в *вайбэй* (外備), а их одеяние [заменить] на ярко-красное. И тогда последовали этому [Синь Тан шу, 1975, цз. 6, с. 156].

⁵⁴ В дальнейшем тот же термин *цзоу* 奏 применяется и к возгласам, которые с нашей точки зрения никак не являются докладами, а похожи скорее на констатации или даже просьбы. Возможно, дело тут в том, что и по констатации, и тем более по просьбе высшая инстанция (в лице императора, конечно) должна была принять решение, сказать хотя бы «Да» или «Нет», то есть одобрить «доклад» или отклонить его.

Нам теперь трудно оценить масштаб и значимость этой реформы, но кое-какую информацию из этого пассажа можно почерпнуть. Буквально *чжунъянь* можно понять как «срединная строгость», «строгий режим посредине», *вайбэй* — как «снаружи всё подготовлено». Поскольку, однако, речь шла об одежде, явно имелись в виду не состояния, а люди, эти состояния обеспечивающие. В то же время среди разнообразных и весьма, как мы видели, многочисленных контингентов дворцовой стражи подразделений с такими названиями не обнаруживается. Видимо, здесь мы имеем дело с некими оппозительными терминами, которые разом могли относиться к охранным формированиям или даже группам исполняющих определённые ритуалы гражданских должностных лиц в целом, вообще. Сущность их функций, однако, явно должна была заключаться в поддержании порядка, благочиния и безопасности.

В данном случае рапорт *шичжуня* надо понимать, вероятно, в том смысле, что лица, входящие в расплывчатую категорию *вайбань*, все на местах и на данный момент вполне исполнили свой долг.

Однако чуть позже, при описании церемонии отъезда императорского кортежа, этот же термин встречается в контексте, исключаящем непременно понимание его в качестве даже сколь угодно обобщённого обозначения каких-то конкретных людей. А именно: *цзи вайбань тайпуцин шэ и эр шэн* 既外辦太僕卿攝衣而升, то есть «как только снаружи всё было устроено, распорядитель Великого конюшенного приказа опраивал одеяние⁵⁵ и восходил [на колесницу]» [Там же, с. 490].

Но и это ещё не всё.

При описании церемонии отъезда императора в вояж встречается фраза: *шичжун баньцзоу цин чжунъянь* 侍中版奏請中嚴, то есть «Срединный служитель с табличкой [в руках] докладывал: „Дозвольте [ввести] срединную строгость“» [Там же, с. 489]. При описании же процедуры возвращения императора из вояжа в безопасные глубины Дворцового комплекса говорится: *хуанди жу шичжун баньцзоу цин цзеянь* 皇帝入侍中版奏請解嚴, то есть «Император входил, и срединный служитель с табличкой [в руках] докладывал: „Дозвольте отменить [срединную] строгость“».

⁵⁵ Возможно, словосочетание *шэ и эр шэн* следует понимать как «подбрав полы одеяния, восходил на колесницу». Трудно по столь лаконичному описанию представить себе действия *тайпуцина* детально, но вряд ли такое недопонимание можно считать существенным. Суть сообщения, похоже, не вызывает сомнений: распорядитель Великого конюшенного приказа подготавливал своё одеяние к тому, чтобы сесть в экипаж и править им.

То есть *чжунъянь*, срединная строгость, строгий режим безопасности внутри Дворцового комплекса, очевидно, в данном контексте был состоянием, и только через это — возможно, и лицами, это состояние обеспечивавшими. Прочитированные фразы *шичжун* при желании можно понять как «Дозвольте [вести в дело тех, кто обеспечивает] срединную строгость» и как «Дозвольте распустить тех, кто [обеспечивает срединную] строгость»; действительно, в следующей же фразе описания церемонии возвращения говорится: *коу чжэн цян ши цзе сю* 叩鉦將士皆休, то есть «[с поклонами] били в гонг и всех командующих и бойцов распускали на отдых» [Там же, с. 496]. Однако такой вариант трактовки выглядит всё же весьма искусственным, натянутым.

«Большой словарь китайского языка» объясняет термин *вайбань* как *бицзин е ю бицзин чжи гуань* 躡警也又躡警之官, то есть «удаление с улицы случайных людей и принятие мер предосторожности, а также должностные лица, исполняющие это» [Чжунвэнь да цыдянь, т. 2, с. 1385], а термин *чжунъянь* — как *цзиньчжун цзинбэй* 禁中警備, то есть «повышенные меры безопасности в запретной середине» [Там же, т. 1, с. 439]. Таким образом, современный словарь признаёт двойственный характер термина *вайбань* — это и состояние, и люди, его обеспечивающие или, по крайней мере, в этом состоянии находящиеся. Относительно *чжунъянь* такой двойственности не признаётся (если только не попытаться понять фразу *цзиньчжун цзинбэй* как «охранение запретной середины»). В сущности, упоминание о цвете одеяния в контексте, где *чжунъянь* и *вайбань* выглядят как некие синонимы, как два однородных члена перечисления — единственный более или менее однозначный намёк на то, что существовали некие люди *чжунъянь* и некие люди *вайбань*, отличавшиеся от *чжунъянь*. При том, что и фраза об одеяниях не выглядит слишком однозначной, надо признать (во всяком случае, пока), что *чжунъянь* следует понимать как особые меры безопасности внутри Дворцового комплекса, а *вайбань* — как достигнутое упорядоченное состояние в определённой зоне, внешней по отношению к зоне *чжун*, причём люди, подпадающие под категорию *вайбань* — это скорее не те, кто приводит в это состояние, а те, кто в него приведён.

После доклада *шичжун* о том, что всё уже вполне *вайбань*, император выходил в тронный зал из западного флигеля дворца (*хуанди бучу си сюй мэнь* 皇帝步出西序門) и поднимался на державное сиденье (*шэн юйцзо* 升御坐). Следовали некие не вполне понятно описанные операции с опахалами; похоже, владыку нельзя было видеть, когда он усаживался, его с двух сторон прикрывали от посторонних глаз в момент перемещения, и только когда он вполне уселся, опахала

раскрывались (*шань кай* 扇開) и взору собравшихся представал занявший своё место на троне Сын Неба. Один из командующих Гвардии Птицы счастья докладывал: «Внутри и снаружи левого и правого крыльев [дворца] всё спокойно» (*цзо ю сян нэй вай пинъань* 左右廂內外平安). Тогда начинался приём.

Домочадцы по препровождению (*тунши шэжэнь* 通事舍人) помогали (*цзань* 贊) старшим чиновникам — правительствующим сподвижникам-*цзайсянам* и верхушке Привратного надзора и Надзора Срединных документов — двукратно поклониться (*цзайбай* 再拜) и затем подняться в тронный зал дворца (*шэн дянь* 升殿). Внутренний принимающий (*нэйчэжэ* 內謁者) получал повеление вызвать караул (*хуань чжан* 喚仗). Из восточной и западной палат (*гэ* 閣), предъявив, в свою очередь, удостоверения, которые на этот раз названы деревянными дщицами (*му ци* 木契), входили военные, принадлежавшие не к гвардейским формированиям и не к разнообразным почётным караулам, как можно было бы предположить, а, если верить «Синь Тан шу», к левой и правой армиям, Смертоносным, как оперённые стрелы, и бесчисленным, как деревья в лесу (*юйлиньцзюнь* 羽林軍). Их сопровождал — вернее, если следовать букве текста, «вводил» их (*инь* 引) — один из чиновников надзора Внутреннего служения (*нэй-шишэн* 內侍省) рангом не ниже 5-го, а двое старших дежурящих в данное время офицеровлевой и Правой гвардий (*цзо ю вэй* 左右衛), один главнокомандующий и один командующий, «присматривали» (*я* 押) за ними.

От уровня аудиенции, как мы видели, зависело число обязанных на неё явиться людей, а в зависимости от этого в весьма широких пределах колебалось и количество караульных. Если входило менее 20 человек (то есть, другими словами, это был узкий круг высокопоставленных сановников), тогда караульным не полагалось иметь при себе оружия (*бу дай чжан* 不帶仗). Если входило более двух десятков человек, тогда порядок в зале приёма полагалось обеспечивать смешанному караулу, вероятно, на этот раз вооружённому.

При более чем 30 посетителях от стоящих на своих постах в левом и правом крыльях дворца служащих Привратных гвардий (*цзяньмэньвэй* 監門衛) в тронный зал входило по 2 бойца, от личных телохранителей с не тупящимися мечами (*цяньню бэйшэнь* 千牛備身) — по 4 бойца, от трёх страж (*сань вэй* 三衛) — по 8 бойцов, и от гвардии Птицы счастья — 1 боец.

Если входило более 100 человек, сопровождающий их караул состоял из дважды по 6 человек от Привратных гвардий, дважды по 4 человека от личных телохранителей с не тупящимися мечами, 33 человека от трёх страж и 7 человек от гвардии Птицы счастья. Если

количество посетителей переваливало за 200, караул увеличивали за счёт иных гвардий: Воинственной, Величаво-грозной и пр.

Когда приём заканчивался, император уходил через ворота восточного флигеля (*дун сюй 東序*). После этого караул отпускали (*фан чжан 放仗*). Говорил ли император хоть короткую речь всем своим с таким трудом собравшимся подданным, выслушивал ли их предложения или жалобы, произносил ли хотя бы сакраментальное «Работайте, работайте» или просто давал на себя посмотреть, вдохновляя свой аппарат на очередные трудовые подвиги единственно своим обликом — об этом не сказано ни слова.

Выезд

Тема императорского выезда не относится прямо к режиму столицы и дворцов. Однако для завершенности картины следует сказать о нём хотя бы несколько слов, тем более что описание этой процедуры изобилует колоритными деталями. Отъезд и возвращение императорского выезда в тех случаях, когда по каким-то причинам Сыну Неба требовалось покинуть постоянную резиденцию, были организованы ещё более торжественно и сложно.

Понятно, что отъезд не был спонтанным и готовился заранее. За два дня до отправления начальник (*лин 令*) отдела великой музыки (*тайюэшу 太樂署*) Приказа Великого постоянства (*тайчансы 太常寺*) устанавливал во внутреннем дворе (*тин 庭*) инструмент *гунсянь* (*宮縣*) — квадратную раму с развешанными в ней музыкальными колоколами и гонгами. Отъезд владыки, несомненно, требовал музыкального сопровождения.

Императорский кортеж должен был выезжать в 5-ую четверть кэ дневного времени, то есть приблизительно через час с четвертью после восхода (время которого, разумеется, зависло от времени года). Однако ещё до рассвета, за 7 четвертей до отправления, там, где строился кортеж, били в барабан 1 раз; этот удар означал введение начальной стадии особого положения — «первой строгости» (*и янь 一嚴*). Спустя 2 четверти, то есть, фактически, где-то во время восхода, били в барабан дважды — так объявлялась вторая стадия особого положения, «вторичная строгость» (*цзай янь 再嚴*). Уже после этого глава Привратного надзора — срединный служитель (*шичжун 侍中*), — опять-таки с табличкой в руке докладывал: «Дозвольте [ввести] срединную строгость» (*шичжун баньцзоу цин чжунъянь 侍中版奏請中嚴*). Надо полагать, император отвечал на доклад согласием, иначе процедура оказалась бы, скорее всего, просто сорвана. После этого ответственные офицеры (*ю сы 有司*) приступали к формированию почётного эскорта (*лубу 鹵簿*). За 2 четверти до отправки

били в барабан трижды, и таким образом вводилось полное особое положение — «третья строгость» (*сань янь* 三嚴).

Когда было достигнуто состояние *вайбань*, начиналась посадка в экипажи. Задействованы так или иначе были все старшие чиновники, связанные с императорским транспортом; поводья императорской колесницы брал сам распорядитель (*цин* 卿) Великого Конюшенного приказа (*тайпусы* 太僕寺). Император покидал дворец в паланкине по западной лестнице, впереди шли глашатаи, расчищающие путь (*цзинби* 警蹕), и непосредственная охрана (*шивэй* 侍衛). Главы Привратного надзора и Надзора Срединных документов почтительно поддерживали императора с двух сторон, когда тот, пользуясь поданными ему *тайпуцином* верёвочными поручнями (*суй* 綬), поднимался в экипаж. После этого сановник, следующий по рангу за главой Привратного надзора, его ближайший помощник — мóлодец-служитель при жёлтых вратах (*хуанмэнь шилян* 黃門侍郎), докладывал: «Дозвольте отправляться» (*цин фа* 請發).

Когда выезд проходил ворота Чэнтяньмэнь, следовал обмен ещё несколькими буквально кодовыми фразами: *хуанмэнь шилян*, садясь на коня, произносил нечто вроде «Выезд несколько медлит, повелите свите сесть на коней» или «Выезд ожидает повеления свите сесть на коней» (*цзя шаолю чи шичэнь чэн ма* 駕少留敕侍臣乘馬). Когда и если император не возражал, срединный служитель, которому полагалось первым получать повеления императора, возглашал: «Повеление гласит: можно» (*чжи юэ кэ* 制曰可). Тогда *хуанмэнь шилян* возглашал: «Свите сесть на коней (*шичэнь чэн ма* 侍臣乘馬)». Глашатаи (*цзаньчжэ* 贊者)⁵⁶ передавали его слова дальше, и все, кому это полагалось по положению, прекращали пешее перемещение по центральной дворцовой дороге рядом с императорским экипажем и садились в сёдла или колесницы. После этого срединный служитель докладывал: «Дозвольте отправляться» (*цин фа* 請發).

Процессию возглавлял начальник (*сяньлин* 縣令) столичного уезда Ваньянь, за ним ехал начальник (*му* 牧) столичного округа, затем распорядитель (*цин* 卿) Приказа Великого постоянства (*тайчансы* 太常寺), Ведающий нравами (*сыту* 司徒), Великий муж державного наблюдения (*юйши дафу* 御史大夫), то есть глава Цензората, и глава Военной части (*бинбу шанишу* 兵部尚書). Все они ехали на дорожных колесницах (*чэнлу* 乘路), каждого сопровождал почётный эскорт (*лубу* 鹵簿) соответственно рангу эскортируемого.

⁵⁶ Если пытаться передать это термин более точно — провозглашатели порядка церемонии.

После отряда передовой стражи двигались технические средства: компасная колесница (*чжинань чэ* 指南車), мерная колесница (*цзили гу чэ* 記裏鼓車), на которой ударами барабана отбивали «километраж» — пройденные *ли*, колесница белой цапли (*байлучэ* 白鷺車), на ней ехали музыканты, флагманская колесница (*луаньцичэ* 鸞旗車), то есть колесница, оборудованная флагом с огненной птицей и колокольчиками, некая колесница, отгоняющая нечисть (*биечэ* 辟惡車), и некая меховая колесница (*писюаньчэ* 皮軒車), накрытая тигровыми шкурами. Каждая была запряжена четвёркой лошадей. На колеснице, отгоняющей нечисть, ехал начальник (*лин* 令) отдела Великого гадания (*тайбушу* 太卜署) Приказа Великого постоянства (*тайчансы* 太常寺), он был вооружён луком и стрелами. На меховой колеснице ехал взводный исправник (*дуйчжэн* 隊正) левой гвардии Птицы счастья с самострелом. За ними — ведущие выезд (*иньцзя* 引駕), построенные в 12 рядов (*чун* 重), в каждом — по 2 человека, все — верхами, с боевыми мечами на поясах (*хэндао* 橫刀).

А потом — оркестр ударных и духовых инструментов.

А потом — уже знакомый нам отряд жёлтых хоругвей.

А за ними — двое внутридворцовых державных наблюдателей-служителей (*дяньчжун шиюйши* 殿中侍御史). А за ними — всадник, сопровождающий ветроуказатель (*ци инь сяньфэн* 騎引相風), потом — экипаж с ветроуказателем (*сяньфэн юй* 相風輿) и экипаж с походными водяными часами (*синлоу юй* 行漏輿). Предусматривались даже некие «мастера правильного пути» (*чжэндаоцзян* 正道匠) — вероятно, что-то вроде сухопутных штурманов, знатоков дорожной сети.

Ближе к средней части кортежа, но тоже ещё не вплотную к императорскому экипажу, а перед караулами, непосредственно предварявшими передвижение владыки, ехали вторые по значимости после начальников Привратного надзора и Надзора Срединных документов должностные лица этих учреждений — молодые-служители при жёлтых вратах (*хуанмэнь шилан* 黃門侍郎) и молодые-служители при срединных документах (*чжуншу шилан* 中書侍郎). Как и сами эти учреждения, располагавшиеся одно слева, то есть к востоку, от осевых дворцов, а другое — справа, к западу, служащие Привратного надзора держались левой стороны дороги, служащие Надзора Срединных документов — правой. За *шиланами* ехали советники из обоих надзоров, по одному непременному служителю (*саньци чанши* 散騎常侍) слева и справа. Наконец за ними ехали сами главы обоих надзоров — оба срединных служителя (*шичжун* 侍中) слева и оба начальника над срединными документами (*чжуншулин* 中書令) справа.

Вперемежку с чинами гражданской администрации двигались разнообразные контингенты военизированного церемониального

эскорта. Нет никакой возможности их даже перечислить. Чего стоит, например, вот такой элемент построения, располагавшийся сразу после глав двух надзоров, но все ещё перед непосредственной охраной императора:

Затем командующиелевой и Правой гвардий (*цзо ю вэй цзянцзюнь* 左右衛將軍), [от каждой по] 2 человека, отдельно левые и правые. Они возглавляли (*лин* 領) меченосцев с декоративными мечами (*баньцзянь* 班劍) и меченосцев с церемониальными мечами (*идао* 儀刀). <...> Затем меченосцы *баньцзянь* и меченосцы *идао*, с левого и с правого флангов (*сян* 廂) по 12 шеренг (*хан* 行). В первой [шеренге бойцы] — отлевой и Правой гвардии, а также ближней стражи (*цинъвэй* 親衛), от каждой по 53 человека. Во второй — отлевой и Правой гвардии, а также ближней стражи, от каждой по 55 человек. В третьей — отлевой и Правой гвардий, а также заслуженной стражи (*сюньвэй* 勳衛), от каждой по 57 человек. В четвёртой — отлевой и Правой гвардий, а также заслуженной стражи, от каждой по 59 человек. <...> В пятой — отлевой и Правой гвардий, а также от оберегающей стражи (*ивэй* 翊衛), от каждой по 61 человеку. В шестой — отлевой и Правой гвардий, а также от оберегающей стражи, от каждой по 63 человека. В седьмой — отлевой и Правой гвардий, а также от оберегающей стражи, от каждой по 65 человек. В восьмой — отлевой и правой Доблестных гвардий, от каждой по 67 человек. <...> В девятой — отлевой и правой гвардий Воинственных гвардий, а также от оберегающей стражи, от каждой по 69 человек. В десятой — отлевой и правой Величаво-грозных гвардий, а также от оберегающей стражи, от каждой по 71 человеку. В одиннадцатой — отлевой и правой Водительствующих армиями гвардий, а также от оберегающей стражи, от каждой по 73 человека. В двенадцатой — отлевой и правой гвардий Птицы счастья, также от оберегающей стражи, от каждой по 75 человек <...> [Синь Тан шу, 1975, с. 492].

Двигавшаяся непосредственно вслед за ними личная охрана составлялась из служащих ближней, заслуженной и оберегающей страж, передвигавшихся верхами, в латах, на конях (причём те тоже были в броне), с боевыми мечами, отрядами по несколько десятков человек.

И только потом следовал сам яшмовый экипаж (*юйлу* 玉路), то есть парадная императорская колесница, украшенная яшмой. Правил ею непосредственно распорядитель (*цин* 卿) Великого конюшенного приказа (*тайпусы* 太僕寺), но притом у него под началом был целый штат в 32 возничих (*цзяши* 駕士). Неподалёку следом ехали осталь-

ные четыре из пяти экипажей императора, рядом ещё пять дублирующих, запасных. Все основные были запряжены шестёрками коней, все запасные — четвёрками. И, конечно, вокруг было полно военных с флагами, церемониальным оружием, зонтами, опахалами и прочими символами и атрибутами. А уж за ними снова двигались разнообразные отряды церемониальной охраны. Потом следовали колесница для полевых работ (*гэнгэньчэ* 耕根車), на которой император обычно ездил проводить ритуальные вспашки, колесница для отдохновения (*аньчэ* 安車), где предусматривались полноценные сиденья, колесница для созерцания окрестностей (*сыванчэ* 四望車), имевшая окна во всех четырёх стенах, так что обеспечивался круговой обзор. В каждую из них тоже было запряжено по четыре лошади.

А до конца кортежа было ещё далеко. Только после всех этих жизненно необходимых владыке транспортных средств перемещалось большинство чиновников среднего уровня со своими сопровождающими. Их группы перемежались очередными отрядами военного и церемониального эскорта. Отряды были не маленькими — упоминается, например, что по одному общеначальствующему приставу, отбивающему вражьи нападения (*чжэчун дувэй* 折衝都尉) из левой и из правой Величаво-грозных гвардий возглавляли тыловое прикрытие (*яньхоу* 掩後); под началом каждого из них было 200 человек пешего сопровождения: 50 человек с большими двузубыми алебардами, 50 — с мечами и щитами, 50 — с луками и стрелами, 50 с самострелами.

И так далее, и так далее. Не кортеж, а переселение народов. Трудно остановиться, перечисляя одно за другим эти экзотичные подразделения, своими названиями возбуждающие буквально мальчишескую фантазию: отряд под флагом оленя, устраняющего скверну (*бисеци* 辟邪旗), отряд под флагом крылатого дракона (*инлунци* 應龍旗), отряд под флагом яшмовой лошади (*юймаци* 玉馬旗), отряд под флагом трёхрогого благовещего животного (*саньцзяошоуци* 三角獸旗), отряд под флагом письмен на спине жёлтого дракона (*хуанлун футуци* 黃龍負圖旗), отряд под флагом летучего *цилиня* (*фэйлиньци* 飛麟旗)... Был и отряд под флагом великого спокойствия, а точнее — поравнения (*тайпинци* 太平旗). Характерно, что все эти отряды возглавлялись опять-таки офицерами, принадлежащими разным гвардиям.

Когда кортеж достигал места назначения, императорский экипаж разворачивался в южном направлении (*лу наньсян* 路南向), то есть, видимо, так, чтобы император сходил бы на землю, глядя и шагая на юг. Ехавший вместе с владыкой командующий (*цзянцзюнь* 將軍) одной из гвардий спускался и вставал справа. Подоспевший глава Привратного надзора, срединный служитель (*шичжун* 侍中)

опять-таки «докладывал» (*цзоу* 奏): «Извольте спуститься из экипажа» (*цин цзян лу* 請降路). Сын Неба, видимо, не возражал; спускался, садился в паланкин и на нём въезжал (*тяньцзы цзян чэньюй эр жу* 天子降乘輿而入) во внутренние территории места назначения — в загородную резиденцию, например. Сразу за ним следовали зонты (*сань* 繖), опахала (*шань* 扇) и непосредственная охрана, собственный конвой (*шивэй* 侍衛).

Когда наступало время возвращаться, процедура в целом повторялась. В первую четверть *кэ* дневного времени одним ударом барабана вводился режим предварительной готовности — «первая строгость» (*и янь* 一嚴) — и начинали строиться почётный караул и гвардейские формирования. В третью четверть двумя ударами вводилась «вторичная строгость» (*цзай янь* 再嚴). Построение офицеров и рядовых заканчивалось. Срединный служитель (*шичжун* 侍中) докладывал: «Дозвольте [ввести] срединную строгость (請中嚴)». Сын Неба не возражал. В пятую четверть били в барабан трижды, полностью вводя режим чрезвычайного положения. Срединный служитель докладывал: «Дозвольте выезду отправляться» (*цин цзя фа* 請駕發).

По прибытии в столичную резиденцию, судя по описанию из «Синь Тан шу», чуть ли не главное внимание уделялось музыкальному сопровождению. При въезде в ворота Дворцового комплекса начальник (*лин* 令) отдела великой музыки (*тайюэшу* 太樂署) Приказа Великого постоянства (*тайчансы* 太常寺) повелевал ударить в колокол тона *жуйбинь* 蕤賓, в ответ начинали бить колокола, как сказано в тексте, «слева». По сигналу, поданному ударом в резонирующий ящик *чжу* (柷), придворные музыканты начинали исполнять мелодию, название которой можно передать приблизительно как «Собирали солому» (*цайцы* 采茨)⁵⁷. По достижении ворот Тайцзимэнь, то есть ворот, за которыми уже располагался один из главных осевых дворцов, Тайцзидянь, по сигналу, поданному трещоткой *цзяюй* (戛敵), музыка прекращалась. Однако стоило императорскому экипажу миновать ворота и въехать на внутреннюю территорию дворца Тайцзидянь, снова подавали сигнал резонирующим ящиком, и начиналось исполнение мелодии «Великая гармония» (*тайхэ* 太和). Когда её исполнение прекращалось, не сказано.

Завершивший движение императорский экипаж снова разворачивался к югу, срединный служитель просил императора спуститься.

⁵⁷ В словаре Ошанина для этого бинорма даётся простой перевод «марш» [БКРС, т. 3, с. 734]. Порознь же *цай* значит «собирать, отбирать, коллекционировать, приукрашивать» [Там же], а *цы* — «крыть (крышу), солома на крыше, соломенная крыша» [Там же, с. 594].

Император не возражал, садился в паланкин и въезжал во дворец, а следом, как обычно, следовали те, кто нёс зонты и опахала, а также собственный конвой. Движение предварял глашатай, расчищавший путь (*цзинби* 警蹕). Когда владыка входил во дворец, срединный слугитель с табличкой в руках докладывал: «Дозвольте отменить строгость» (*шичжун баньцзоу цин цзе янь* 侍中版奏請解嚴). Надо полагать, возражений от владыки опять не поступало. Тогда по сигналу гонга всех офицеров и рядовых почётного эскорта распускали (*цзянши цзе сю* 將士皆休). Вновь начинались императорские будни.

Нарушения режима

Мы с нашим историческим опытом лучше многих знаем, что любой запрет, не подкреплённый эффективной угрозой реальной кары за его нарушение, лишь смешит и множит его потенциальных нарушителей. Полторы тысячи лет назад законодатели танского Китая тоже это отлично понимали.

Наиболее социально опасными нарушениями особого режима, установленного на территории столицы, а также Императорского и Дворцового городов, танское уголовное право вполне здраво полагало действия, связанные с незаконным проникновением на режимные территории. Запретные объекты были запретными не потому, что туда нельзя было входить, а потому, что тех, кто входил туда, не имея на то документально подтверждённой официальной санкции, частным порядком, по собственному хотению, ожидало неотвратимое наказание.

Понятно, что обеспечение безопасности первых лиц государства всегда и везде является одной из первостепенных забот и силовых структур, и уголовного права.

Конечно, Дворцовыми комплексами Чанъани жилища императора не исчерпывались. Существовала вторая столица — Лоян, где были свои маркеры: свои стены, свои ворота, свои строения, и у всех — свои названия. Но нет никаких указаний, что режим Лояна, буде император переехал бы на какое-то время туда, отличался от режима Чанъани.

Существовало довольно значительное количество иных резиденций, режим которых отличался от столичного только в периоды, когда императора там нет. Если же император оказывался там, хотя бы на день остановившись во время путешествия по стране, — начинали действовать те же правовые нормы, которые вообще-то прописывались законом в первую очередь для места постоянного проживания владыки.

Наконец, существовали походные резиденции, полевые ставки на случай, если из одного постоянного дворца император уже уехал, а до другого не доехал. Специальная статья «Тан люй шу и» устанавливала соответствия различных зон полевого лагеря зонам столичной

резиденции, и таким образом все правовые нормы по обеспечению безопасности переносились на схему полевой стоянки.

Ворота внешнего полевого лагеря (*вай инмэнь* 外營門) и полевой стоянки (*цы инмэнь* 次營門) приравниваются к воротам Дворцового комплекса... Знамённые ворота внутреннего лагеря (*нэй ин ячжанмэнь* 內營牙帳門) приравниваются к воротам [территорий] дворцов... Ворота державного шатра (*юймумэнь* 御幕門) приравниваются к [воротам] Высоких палат [Тан люй шу и, ст. 77; Уголовные установления Тан, 1999, с. 329].

Статьи же «Тан люй шу и» оперируют исключительно реалиями Чаньбани.

За самовольный, то есть не обоснованный документами вход в ворота Дворцового города (*гунчэнмэнь* 宮城門) или Дворцового комплекса (*гунмэнь* 宮門) полагалось 2 года каторги.

Правда, «Тан люй шу и» ведёт отсчёт иначе: не извне снаружи, а изнутри вовне. За исходную точку берётся то, что ближе к владыке, то есть ворота Дворцового комплекса, а затем, в качестве второстепенного обстоятельства, упоминается, что наказания за все нарушения, совершённые в отношении Дворцового города, следует определять как за аналогичные нарушения режима Дворцового комплекса. И за самовольный вход в ворота — в их числе. Для пущей ясности в тексте статьи в очередной раз поясняется, что ворота Цзядэмэнь и подобные им являются воротами Дворцового комплекса, а ворота Шуньтяньмэнь и подобные им являются воротами Дворцового города. Ворота же Тайцзимэнь и подобные им определялись как ворота территорий отдельных дворцов, или, другими словами, малых дворцовых комплексов, заключённых в один основной.

Несанкционированный вход на территорию какого-либо из дворцов через дворцовые ворота (*дяньмэнь* 殿門), такие, например, как Тайцзимэнь, подлежал наказанию уже 2,5 годами каторги.

По понятным причинам текст статьи уделяет пристальное внимание тому, был ли вооружён самовольно вошедший, или нет, и если вооружён, то чем. Исходные наказания, те, которые только что были упомянуты, полагались только совершенно безоружным нарушителям. Однако наличие у инсайдера хотя бы какого-то военного снаряжения, начиная от столь грозных, как меч, пика, алебарда, лук и стрелы, и вплоть до железных палиц или деревянных дубинок любого типа, равным образом влекло за собой ужесточение наказания на 2 степени. Это значит, что за самовольный вход в ворота Дворцового города или Дворцового комплекса с оружием следовало наказывать 3 годами каторги, а если речь шла о воротах территорий дворцов — ссылкой на 2000 *ли*.

Наконец, отдельная мера предусматривалась для самовольного входа в такие помещения, как Высокие палаты (*шангэ* 上閣), то есть боковые крылья дворца Тайцзидянь (или, добавим от себя, аналогичного дворца в Дамингуне). Уже отмечалось, что из палат открывался прямой ход в так называемый внутренний двор, то есть от церемониальных и административных дворцов к жилым. Тут было рукой подать до царствующих особ. Но дело ещё и в том, что, как отмечается в «Тан луй шу и», для ворот Шангэ не составлялись привратные списки. Другими словами, тут не было обычного контроля.

Тех, кому положено войти, согласно Высочайшим распоряжениям вводят [сопровождающие] (*ин жу чжэ чжунь чи иньжу* 應入者準敕引入) [Тан луй шу и, ст. 59; Уголовные установления Тан, 1999, с. 296].

То есть, например, если император хотел видеть кого-то не на общей аудиенции и не во время какой-то регулярной коллективной церемонии, а в относительно приватной обстановке, по поводу этого лица издавалось специальное императорское распоряжение и прибывшего вводили внутрь специально отряжённые для этой цели лица. Как мы уже видели, таковых хватало: это были и гражданские сопровождающие разного рода, и военные караульные.

Так вот если кто-либо входил в палаты Шангэ без вызова и без сопровождения, он подлежал давлению.

Однако эта ситуация была разделена в «Тан луй шу и» на две — так сказать, основную, то есть более криминальную, и частную, криминальную в меньшей степени. Основная — это та, что уже была названа: за самовольный вход в палаты Шангэ — давление. Однако дело вот в чём:

В палатах Шангэ не устанавливают [постов] гвардейского караула (*бу ли чжанвэй* 不立仗衛). [При необходимости] сидящие внутри вызывают караульных (*нэй цзо хуань чжан* 內坐喚仗), и только тогда караульные входят (*ши ю чжан жу* 始有仗入) [Там же].

Поэтому могло оказаться так, что во время самовольного входа во внутренних помещениях караульных могло не быть, но они могли и быть. Последнюю ситуацию в тексте описывают коротко: *ю чжанвэй чжэ* 有仗衛者, то есть «караульные есть». В таких обстоятельствах самовольный вход, как без оружия, так и даже с оружием, не был столь опасен, поэтому:

Если не полагалось входить, но вошёл, это приравнивается к самовольному входу в ворота [территорий] дворцов. [Винов-

ный] наказывается 2,5 годами каторги, а [если он] был с оружием — ссылкой на 2000 *ли* [Там же].

Судя по тексту «Тан луй шу и», правила охраны всех ворот, которые вели во внутренний дворцовый комплекс, к жилым дворцам (*гуннэй чжу мэнь* 宮內諸門), так же не предусматривали составления привратных списков. Те, кто прислуживал императору и его семье внутри, в быту, понятное дело, не ходили на службу извне, но, вероятно, где-то там, в «сокровенности», и обитали. Вход посторонних на эти территории тем более мог быть разрешён только по именным повелениям. Поэтому относительно этих ворот — таких, как Сучжанмэнь, Цяньхуамэнь и подобные им, — действовали те же правовые нормы, что и относительно палат Шангэ.

Высшая мера наказания — обезглавливание — предусматривалась за два типа связанных с незаконным входом во дворец преступлений.

Во-первых, абсолютно нетерпим был самовольный вход в палаты Шангэ или в какие-либо из ведущих во внутренний дворцовый комплекс ворот (*туннэй чжу мэнь* 通內諸門) с оружием (особенно, как мы видели, при отсутствии там караульных). И, во-вторых, абсолютно недопустимо было появление незваного посетителя, с оружием или без, не просто в помещениях, где вероятным было пребывание августейших персон, но в реальной непосредственной близости от них, в каком бы из дворцовых помещений они в данный момент не находились. Вторую ситуацию «Тан луй шу и» формулирует очень лаконично: *юй цзай со* 御在所, то есть «место пребывания державной особы»⁵⁸.

На основании этих же норм следовало определять наказание в столь специфических ситуациях, как неправильное появление в палатах Шангэ или на внутренних территориях кого-либо, кого действительно вызвали туда Высочайшим распоряжением. Таковых кодекс попросту называет «теми, кому полагалось войти внутрь палат Шан-

⁵⁸ Относительно применяемого по самым разным поводам термина *юй* 御, который я передаю как «державная», «державное» и пр., в «Тан луй шу и» дано следующее разъяснение: «Всякий раз, когда указывается на Того, кто в паланкине (*чэньюй* 乘輿), на Высочайший выезд (*цзюйцзя* 車駕) и на державное (*юй* 御), [эти указания] всегда равным образом [относятся, помимо самого императора, к] престарелой вдовствующей императрице, к вдовствующей императрице и к императрице. <...> Например <...> статья: тот, кто самовольно вошёл и достиг места, где пребывает державная [особа] (*юй цзай со* 御在所), наказывается обезглавливанием. Тот, кто достиг места, где пребывает [какая-либо из] трёх императриц, также наказывается обезглавливанием» [Тан луй шу и, ст. 51; Уголовные установления Тан, 1999, с. 269–270].

гэ» (*ин жу шангэ нэй чжэ* 應入上閣內者), что лишний раз подчёркивает: ни о каком «праве» входа или даже «разрешении» входа тут и речи нет, речь исключительно об одноразовой обязанности явиться. В сопровождении караульных (*чжан* 仗) приглашённым полагалось предстать перед августейшей особой, и в такой ситуации им, против обыкновения, разрешалось сохранить при себе своё оружие («можно иметь при себе малые мечи и тому подобное» — *дэ дай даоцзы чжи шу* 得帶刀子之屬)⁵⁹. Но только в том случае, если сопровождающие были рядом, если тот, кого позвали указом, был отконвоирован к месту, куда его пригласили, под бдительным присмотром профессиональной охраны.

Если же приглашённый вошёл в Шангэ или приравненные к ним помещения без сопровождения, сам, самовольно, то наказание ему определялось, хотя формально он и являлся приглашённым, опять-таки как за самовольный вход. Это значит, что если у него не было никакого оружия — ни палицы, ни лука со стрелами, ничего иного, — он подлежал давлению. Если же он был хотя бы с небольшим режущим предметом⁶⁰, ему полагалось обезглавливание.

Даже на случай, если охранное сопровождение конвоировало приглашённого по всем правилам, а приглашённый шёл с оружием, что в подобной ситуации не возбранялось, это не могло быть оружие, пригодное для боевого применения в ближнем бою в ограниченном пространстве дворца. Визитёру не позволялось иметь *хэндао* 橫刀.

Хэндао — это настоящий боевой меч, подвешенный к поясу бойца, стало быть, относительно короткий, для ближнего боя, в том числе — в замкнутом пространстве. Вот с этим-то оружием, в отличие от, скажем, церемониального, бутафорского (посеребрённого, позолоченного либо крапчатого, то есть пятнистого или полосатого, украшенного или раскрашенного под шкуру тигра, барса и пр.), ни в коем случае нельзя было появляться вблизи августейших особ. Даже под присмотром конвоира.

Тот, кто в этой ситуации — то есть будучи призванным во внутренние покои и введён в них надлежащим образом, имел при себе

⁵⁹ В современном языке бином *даоцзы* 刀子 означает даже «ножик, нож» [БКРС, т. 3, с. 398]. Но вряд ли посетители императора таскали с собой в рукавах перочинные ножки. Однако, похоже, *даоцзы* не входили в широкое определение оружия *чжан* 仗, которым охватывалось и регулярное военное снаряжение (лук, стрелы, мечи, пики), и дубинки, и палицы, хоть деревянные, хоть железные.

⁶⁰ «Тан люй шу и» называет это *цунь жэнь* 寸刃, то есть, если перевести буквально, «с лезвием, клинком в 1 цунь», что можно понять как, например, «кинжал».

боевой поясной меч — подлежал наказанию, уменьшенному на 2 степени относительно того, кто с оружием вошёл в покои без сопровождения. Уменьшение смертной казни на 2 степени давало 3 года каторги.

Танские законодатели, большие знатоки природы людей, даже в этих предельно щекотливых, напрямую связанных с безопасностью первых лиц государства ситуациях, нашли возможность в очередной раз проявить толику снисходительности к человеческим слабостям.

Для тех, кто попал в Шангэ или ведущие внутрь ворота с оружием либо, пусть и без оружия, забрёл к месту пребывания державной особы, была предусмотрена правовая лазейка, позволявшая, хотя бы чисто теоретически, остаться в живых.

[Тот, кто] вошёл в палаты Шангэ или в [какие-либо из] ворот, ведущих внутрь, будучи с оружием, либо, будучи без оружия, достиг места, где пребывает державная [особа], и в том и в другом случае наказывается обезглавливанием. Если заблудился и ошибся (*миу* 迷誤) <...> — имеется в виду, что [совершил] самовольный вход непреднамеренно (*фэй гу* 非故), — [тогда] подают прошение на Высочайшее [имя] и повинуются Высочайшему распоряжению [Тан люй шу и, ст. 59; Уголовные установления Тан, 1999, с. 297].

То есть император мог и помиловать разгильдяя. Впрочем, факт непреднамеренности надо было доказать, а насколько это было легко и просто — история умалчивает.

К числу особо охраняемых объектов, как легко догадаться, относилось и место, где для державных особ готовили пищу. Кухня отнюдь не была местом, где существовала вероятность встретить императора или его супругу, фактор *юй цзай со* тут отсутствовал, но зато через еду или питье несложно было нанести вред августейшим особам дистанционно, не прибегая к прямому насилию.

Самовольный, без служебной необходимости вход в кухню (*юй шань со* 與膳所) карался ссылкой на 3000 *ли*. Тяжелее этой ссылки была только смертная казнь. Различий в зависимости от того, был ли незваный гость с оружием или нет, в данном случае не вводилось.

Самое лёгкое наказание было предусмотрено для тех, кто несанкционированно проник в какой-либо из запретных императорских парков. Понятно, что императора там в этот момент не было — если бы был, мог быть задействован пункт о достижении места, где пребывает державная особа. Но коль скоро такой вероятности не существовало, закон, опять-таки не вводя различий в зависимости от наличия или отсутствия оружия, ограничивался наказанием в 1 год каторги.

Все акты попустительства преступникам, нарушающим режим безопасности, карались «тем же самым наказанием» (*юй тун цзуй* 與

同罪). Значит, и рядовой, и офицер привратной стражи, если кто-то из них сознательно сделал вид, что не заметил идущего в ворота без документов нарушителя режима, должны были быть наказаны так же, как и сам нарушитель — с теми же градациями в зависимости от степени запретности тех или иных ворот.

За простую же халатность и недостаток бдительности, вследствие которых охрана действительно не заметила того, что некто проходит через данные ворота незаконно, рядовых стражников карали на 2 степени легче нарушителя, их командиров — на 1 степень легче самих стражников.

От незаконного прохода в худшую сторону отличалось проникновение.

Проникшим за стену (*юэюань чжэ* 越垣者) ... является [тот, кто попал внутрь] не через ворота (*бу цун мэнь вэй юэ* 不從門為越). Стена (*юань* 垣) — значит ограда (*цян* 牆) [Тан люй шу и, ст. 58; Уголовные установления Тан, 1999, с. 293].

Проникновение за стену, то есть уже явно злоумышленное поведение: перелез, пользование какими-то приспособлениями, или, скажем, обнаружение щели либо совершение подкопа, наказывалось по понятным причинам куда строже, чем самовольный вход в ворота.

Самовольный вход на территорию какого-либо дворца, как мы видели, следовало наказывать 2,5 годами каторги. Проникновение же за стену территории того же дворца каралось удушением.

За самовольный вход в ворота Дворцового комплекса или Дворцового города полагалось 2 года каторги. Проникновение за стену Дворцового комплекса или Дворцового города каралось ссылкой на 3000 *ли*.

Что же касается столицы в целом, то самовольный вход в ворота самой Чанъани, судя по всему, не был наказуем. Вероятно, такого понятия просто не существовало. Для городских ворот не предусматривалось привратных списков, и в тексте «Тан люй шу и» нет никаких указаний на кары, связанные с тем, что стража неправоммерно пропустила кого-то в столицу извне или выпустила из неё наружу. Относительно самовольного входа в Императорский город тоже нет предписаний. Отчего-то в перечень запретных объектов закон не включал место средоточия всех высших управленческих органов страны, начав перечисление уже непосредственно с Дворцового комплекса и Дворцового города.

Однако перелезть через стены столицы или Императорского города, тем не менее, всё равно было нельзя. Привратная стража, несомненно, и там и там была, какой-то отсев она, несомненно, произво-

дила, и появление на территории столицы империи или её центральных учреждений посторонних лиц, разумеется, было нежелательным.

Поэтому проникновение за стену Императорского города каралось 3 годами каторги, а проникновение за стену столицы — на 1 степень легче, то есть 2,5 года каторги.

Понятно, что человек, стремящийся незаконно и тайно покинуть, скажем, территорию императорского жилища, а с этой целью лезущий через стену внутреннего дворца, не может не иметь неких злодейских намерений. Ровно то же самое можно сказать и обо всех менее запретных территориях. Те, у кого нет злого умысла, преступных намерений или желания скрыться от правосудия, уходят через ворота, а не через стены. Поэтому во всех перечисленных ситуациях действовал принцип эквивалентности движения снаружи внутрь и изнутри наружу. Проникновение не через ворота считалось одинаково недопустимым, в какую бы сторону не двигался нарушитель. В кодексе это отмечено совершенно недвусмысленно: *у вэнь чу жу* 無問出入, то есть «безразлично, входил или выходил».

Литература

Balazs, 1964 — *Balazs E. Chinese Civilization and Bureaucracy*. New-Haven; London, 1964.

БКРС — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И.М. Ошанина, т. 1–4. М., 1983–1984.

Законы Великой династии Мин, 2012 — Законы Великой династии Мин / Пер. с кит., введ., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. Часть III. М., 2012.

Искусство китайской архитектуры, 2011 — Искусство китайской архитектуры: Монография / С.А. Комиссаров, Ю.А. Азаренко, Е.В. Трофимова, О.А. Хачатурян. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011.

Кроль, Романовский, 1982 — *Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). М., 1982.

Крюков, Малявин, Софронов, 1984 — *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII). М., 1984.

Ожегов, 1981 — *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1981.

Рыбаков, 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб., 2009.

Тайхорё, 1985 — Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К.А. Попова, т. 1–2. М., 1985.

Стужина, 1979 — *Стужина Э.П.* Китайский город XI–XIII вв. М., 1979.

Уголовные установления Тан — Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*) / Пер., введ. и коммент. В.М. Рыбакова. Цз. 1–8. СПб., 1999; Цз. 26–30. СПб., 2008.

Цыбульский, 1987 — *Цыбульский В.В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М., 1987.

Байду — Байду 百度 (китайская электронная поисковая система). URL: <http://www.baidu.com/>

Лю Цзюнь-вэнь, 1996 — *Лю Цзюнь-вэнь*. Тан луй шу и цзяньцзе («Уголовные установлениям Тан с разъяснениями», откомментированные и растолкованные), т. 1–2. Пекин, 1996.

Ниидэ Нобору, 1964 — *Ниидэ Нобору*. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.

Синь Тан шу, 1975 — Синь Тан шу (Новая история Тан), т. 1–20. Пекин, 1975.

Тан лю дянь — Тан лю дянь (Шесть уложений Тан) // URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm

Тан луй шу и — Тан луй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия), т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.

Тодай но Тёан то Ракуё, 1956 — Тодай но Тёан то Ракуё (Чанъань и Лоян танского периода). Киото, 1956.

Цзю Тан шу — Цзю Тан шу (Старая история Тан) // URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%88%8A%E5%94%90%E6%9B%B8>

Чжунвэнь да цыдянь, 1976 — Чжунвэнь да цыдянь (Большой словарь китайского языка), т. 1–10. Тайбэй, 1976.

Rotours, 1947–1948 — *Rotours R. des*. Traité des Fonctionnaires et traité de l'Armée. Leyde, 1947–1948. Vol. 1–2.

The T'ang Code, 1997 — The T'ang Code. Vol. 1: General Principles. Vol. II: Specific Articles / Transl. with an introd. by *Wallace Johnson*. Princeton, 1997.

*V.M. Rybakov**

Chang'an as a controlled-access object

ABSTRACT: Chang'an, the capital of the Tang Empire, was one of the largest cities in the world. The article “Chang'an as a controlled-access object” describes a complex structure of the city and its administrative and palace parts, the main palace rituals, the system of guarding the emperor and of maintaining the internal order, as well as the criminal laws, which prescribed penalties for offenses in this sphere. The article based on the Chinese sources of the Tang period

KEYWORDS: traditional China, state and law, state rituals, bureaucracy, administrative law, criminal law.

* Rybakov Viyacheslav Mikhailovich, Dr. hab. (History), leading researcher of the Department of Far Eastern Studies of the Institute of Oriental manuscripts, RAS, St. Petersburg, Russia; E-mail: Ouyangtsev@mail.ru